

Софья
ЯСЕНЕВА

РАЗВОД

Его тайна сломала нас

Софа Ясенева

Развод. Его тайна сломала нас

«Литнет»

2026

Ясенева С.

Развод. Его тайна сломала нас / С. Ясенева — «Литнет», 2026

В годовщину свадьбы на пороге нашего дома появилась бывшая моего мужа с ребёнком.— Я — Эля, а эта чудесная малышка — Алиса. Кстати, она дочь Юры. Я люблю своего мужа, вот только я не готова делить его с прошлым и стать матерью чужой девочке, которая смотрит на меня его глазами, ведь я и сама скоро стану мамой. Книга участвует в литмобе «Тайный ребенок мужа»;

© Ясенева С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 Антонина	5
Глава 2 Антонина	7
Визуализация	10
Глава 3 Юрий	19
Глава 4 Антонина	22
Глава 5 Юрий	26
Глава 6 Юрий	30
Глава 7 Антонина	33
Глава 8 Юрий	39
Глава 9 Антонина	45
Глава 10 Антонина	48
Глава 11 Юрий	53
Глава 12 Антонина	58
Глава 13 Антонина	63
Глава 14 Антонина	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1 Антонина

— Сколько можно мне звонить? Я ясно дал понять, что всё осталось в прошлом.

Я чувствую, как внутри что-то неприятно сжимается.

— Ты можешь что угодно выдумывать, Эль, но мне не двадцать лет, чтобы оставлять лапшу на ушах.

Имя режет слух. Эля.

— Не смей приезжать, ни в офис, ни тем более домой.

В нотках мужа слышится сталь. Я хорошо знаю этот тон. Обычно это означает, что у тебя есть всего пара секунд, чтобы бежать, пока тебя не размазали. Сотрудники это чувствуют интуитивно и предпочитают не спорить. Но его собеседница не пасует, продолжая что-то ему говорить. Я не слышу слов, только его тяжёлое дыхание между фразами.

Меня накрывает предчувствие беды. Не знаю, как можно это объяснить. Просто в какой-то момент всё внутри холодеет.

Какое у него может быть прошлое с этой Элей? Я знаю о нескольких его бывших. Мы даже случайно пересекались с одной на мероприятии. Но такого имени среди них не было. Так откуда она взялась?

Когда Эля кладёт трубку, Юра витиевато выругивается сквозь зубы, а затем берёт телефон со мной на линии.

Очевидно, вместо удержания звонка, он случайно принял его. И я теперь не знаю, как реагировать.

— Кто такая Эля? — решаюсь всё же спросить.

— Старая знакомая. Не важно, Тонь. Ты чего звонишь?

— Да вот, хотела напомнить тебе, что давно пора быть дома.

— Я не по своей воле задерживаюсь. Говорил же, важный клиент. Никак не отменить и не перенести. Как закончу, приеду.

— Хорошо, долго ещё?

— Не больше часа.

— Жду тебя, Юр. Целую.

— И я тебя.

Связь обрывается, а я ещё пару секунд держу телефон у уха. Услышанное никак не желает укладываться в ту версию, которую предложил Юра. Уж слишком много эмоций было в его голосе. Ничего не значащая бывшая вряд ли могла бы вызвать столько всего.

Именно это заставляет меня напрячься, а не его опоздание. Такая уж у Гаранина работа — быть адвокатом дьявола. Он и сам иногда шутит, что защищает тех, кого другие давно бы распяли. И за то, что он готов за клиентов перегрызть глотку любому днём и ночью, его и ценят. И платят соответственно. Наш дом — во многом его заслуга.

Мне не сложно чуть позже поставить мясо в духовку. Я проверяю маринад, аккуратно переворачиваю стейки, чтобы пропитались равномерно. Стол уже давно красиво сервирован в столовой: белая скатерть без единой складки, наши свадебные бокалы, которые я достаю только по особым случаям, тонкие тарелки с золотой каймой. Свечи ждут своего часа, чтобы создать волшебную атмосферу. Я даже включаю тихую музыку фоном, что-то спокойное, ненавязчивое.

К назначенному времени я устаю крутиться на кухне. Всё готово, чтобы пригласить Юру к столу. Духовка разогрета, салат накрыт плёнкой, чтобы не заветрился, бутылка вина открыта и дышит. Но он никак не приедет.

Звоню ему, но он не берёт трубку. Сначала гудки идут долго, потом звонок обрывается. Я хмрюсь. Набираю ещё раз. Тишина.

Выхожу на крыльцо, накинув куртку, чтобы встретить его. Воздух тёплый, влажный, пахнет талой землёй и чем-то свежим, весенним. Снега у нас уже нет, весна вступила в свои права, и даже трава местами начала зеленеть. Поэтому замёрзнуть я не боюсь. Я обнимаю себя руками и вглядываюсь в тёмную улицу за воротами.

Когда раздаётся рокот мотора, замираю, ожидая, когда откроются автоматические ворота, и он заедет во двор. Сердце вдруг начинает биться быстрее от радости, от предвкушения.

Но вместо этого мотор глушат, а спустя несколько секунд стучат в ворота. Не ждут, пока я сама открою, а именно стучат настойчиво, глухо, будто имеют полное право требовать.

Кто мог приехать сегодня? Я никого не жду. Ни друзей, ни соседей, ни родителей. Юра предупредил бы. Но бывает такое, что гости путаются в посёлке и просят помощи, чтобы понять, куда ехать. У нас тут улицы похожи одна на другую, номера не сразу заметны в темноте. Наверное, это как раз тот случай. Случайность.

Несмотря на то, что под ложечкой неприятно тянет, иду к калитке и с улыбкой открываю её. Улыбка даётся чуть натянуто, но я списываю это на усталость и волнение перед сюрпризом, который приготовила.

Снаружи оказывается какая-то незнакомая женщина с ребёнком, девочкой лет пяти-шести. У женщины светлые волосы, собранные в небрежный хвост, пальто безвкусно яркое, явно не новое. На лице ни смущения, ни растерянности. Только странная решимость. Девочка держится за её руку, в другой — маленький розовый рюкзачок с единорогом. Смотрит на меня широко раскрытыми глазами и тут же переводит взгляд на дом.

— Вы, наверное, заблудились? — с улыбкой спрашиваю, всё ещё цепляясь за разумное объяснение.

— Это дом Гаранина Юрия.

Она произносит это чётко, без вопросительной интонации.

Смутное предчувствие беды закрадывается, отравляя момент. Внутри холодеет, как будто кто-то провёл по позвоночнику кубиком льда.

— Да.

Голос звучит тише, чем я ожидала.

— Хорошо. Значит, мы правильно приехали.

Она бесцеремонно сдвигает меня плечом, как мебель, и тащит девочку за собой к дому. Просто проходит во двор, будто была здесь сотню раз. Каблуки цокают по плитке, девочка спотыкается, но послушно идёт следом, оглядываясь по сторонам.

Я от такой наглости не сразу нахожусь с тем, что сказать. Секунду или две стою у распахнутой калитки, сжимая холодную металлическую ручку. В голове шумит. Это какая-то ошибка. Нелепость.

— Вы кто? — наконец вырывается у меня.

Женщина оборачивается. На губах появляется едва заметная усмешка. Не дружелюбная — победная.

— Семья Юры.

Глава 2 Антонина

Мне просто необходимо время, чтобы переварить то, что я только что услышала. Слова “семья Юры” всё ещё звенят в ушах, будто кто-то повторяет их эхом. Не каждый день в дом вламываются женщины с подобными заявлениями. Какая ещё семья? А я тогда кто? Приложение к дому? Ошибка в документах?

Наглость этой дамы просто переходит все границы. Полное ощущение, что она — хозяйка этого дома, а я так, приживалка, которую можно в секунду вышвырнуть отсюда. Она стоит посреди нашего двора так уверенно, словно уже мысленно командует тут всем.

Пользуясь тем, что я потеряла дар речи, она разворачивается и снова как танк прёт к дому, таща на буксире девочку. Та едва успевает перебирать ногами, маленькие кроссовки шуршат по плитке. Беглый взгляд даёт понять, что они очень похожи — одинаковый цвет волос, тот же упрямо сжатый подбородок. Мать и дочь, без сомнений.

Черт Юры я в девочке не вижу, но что я там могла заметить в полумраке? Сердце колотится так громко, что заглушает здравый смысл.

Женщина дёргает ручку входной двери, но открыть её не получается. Я всегда запираю дом. Именно это вытаскивает меня из транса. Щёлчок закрытого замка звучит сейчас спасительно.

Я быстро приближаюсь к ним и оттесняю её в сторону, вставая между дверью и непрошеными гостями.

— Вам не кажется, что вы слишком много на себя берёте? Я не разрешала заходить в дом. Стараюсь говорить ровно, хотя внутри всё дрожит.

— Я и спрашивать не буду.

Она снова тянется к ручке и нажимает на неё несколько раз, раздражённо, будто дверь обязана подчиниться.

— Ну что смотришь? Открывай.

Я медленно скрещиваю руки на груди. Откуда столько гонора? Откуда эта уверенность, что ей здесь всё должны?

— Я не пускаю в свой дом незнакомых людей. Вас я вижу первый раз в жизни. Может, потрудитесь хотя бы представиться?

Она бросает на меня оценивающий взгляд с ног до головы. Задерживается на моём кольце, на куртке, на лице.

— Я — Эля, — произносит с лёгкой усмешкой, — а эта чудесная малышка — Алиса. Кстати, она дочь Юры.

На секунду мир будто качается. Земля уходит из-под ног, и я цепляюсь взглядом за перила крыльца, чтобы не потерять равновесие.

Кусочки паззла начинают складываться в очень неприглядную картину. Значит, это она звонила несколько часов назад Гаранину. И это её он не хотел видеть у нас дома. “Не смей приезжать ни в офис, ни тем более домой”. Значит, не просто бывшая. Не просто случайная связь.

У них ребёнок.

Судя по тому, что ей хватило наглости нарушить все требования, эта женщина та ещё акула. Она не выглядит растерянной или униженной. Наоборот, спокойная и собранная.

А девочка в это время внимательно рассматривает дом. Потом переводит взгляд на меня.

— Мам, а папа скоро выйдет? — тихо спрашивает она.

У меня внутри всё обрывается.

Не пойму, что она хочет от нас. Денег? Признания? Скандала? Или... места в нашей жизни?

И самый страшный вопрос — знал ли Юра, что она придёт сегодня несмотря ни на что? — Сейчас мы узнаем, Алис. Так где Юра?

Эля произносит это нарочито спокойно, но в голосе звенит раздражение.

— Его нет дома.

Я стараюсь держаться ровно, не показывать, как внутри я разбита.

— Что-то не торопится он к тебе. Видимо, жена из тебя так себе.

Удар точный. Ни подготовки, ни разгона — сразу под дых.

— Получше, чем из тебя — девушка, ведь на тебе он так и не женился.

Слова срываются раньше, чем я успеваю их отфильтровать. Слышу, как в них звенит яд. Но назад уже не вернуться.

— Сучка, — одними губами произносит она, и на секунду её маска спокойствия трескается.

— Так когда Юра придёт? Ты нас тут заморозить решила?

Она демонстративно кутает девочку в куртку, хотя вечер тёплый. Скорее, это способ надавить на меня.

— Всегда можете вернуться в машину и включить печку.

Я сама не узнаю свой голос — холодный, колкий. Никогда не была такой стервой, как сегодня. Всегда предпочитала сглаживать углы, улыбаться, уступать. Наверное, когда защищаешь своё, это инстинктивно работает. Включается что-то древнее, животное. К тому же, мне действительно есть что терять.

Скорее всего, так бы им и пришлось сделать, но девочка внезапно начинает танцевать на месте, переминаясь с ноги на ногу. Сначала тихо, потом всё заметнее. Маленькие ладошки сжимаются в кулачки, колени сводит.

А потом она жалобно делает бровки домиком и смотрит на мать:

— Я очень хочу писать.

Голос тонкий, дрожащий.

— Алис, можешь немного потерпеть? — сквозь зубы отвечает Эля, бросая на меня короткий взгляд.

— Кажется, нет. Я выпила сок по дороге.

Губы у девочки кривятся, подбородок начинает подрагивать. Я понимаю, что она вот-вот заплачет. И этот плач будет не оружием, а самым обычным детским отчаянием.

Эля зыркает на меня осуждающим взглядом, будто я виновата в физиологии её ребёнка.

Нет, мамашу эту мне не жалко совсем. Ни капли. Но девочка же не виновата ни в чём. Она не выбирала, у кого родиться.

Я тяжело вздыхаю. Достаю ключи, вставляю в замок и открываю дверь.

— Пойдём, покажу тебе, где тут туалет, — говорю Алисе мягче, чем собиралась.

Девочка с облегчением отлипает от матери и делает шаг ко мне, неуверенно, будто проверяя, не передумаю ли я.

И в этот момент я впервые по-настоящему осознаю: если она действительно дочь Юры, то эта маленькая девочка — часть его жизни.

А значит... и моей.

Сделав свои дела, Алиса заметно веселеет. Она выходит из туалета уже без той паники в глазах, даже тихо благодарит меня и, не спрашивая, тянется к пушистому пледу на диване. Усаживается на самый краешек, болтая ногами, и с интересом рассматривает комнату — фотографии на стенах, книжные полки, большую вазу с сухоцветами.

А вот Эля становится всё более мрачной по мере того, как осматривает каждый угол. Она медленно поворачивает голову, будто фотографирует всё глазами. Взгляд цепляется за лестницу на второй этаж, за семейные снимки — наш отпуск в Италии, новогодний вечер, где мы с Юрой смеёмся, обнявшись. На её губах появляется странная, болезненная усмешка.

Пройти дальше гостиной она не решается, но всё, что здесь есть, подвергается тщательному сканированию.

Понятия не имею, что ещё сказать. В воздухе повисло густое, вязкое молчание. Только часы на стене тикают слишком громко. Где же Юру носит так долго? Он будто специально выбрал сегодня самый неподходящий момент, чтобы задержаться.

Не знаю, насколько у меня хватит терпения, прежде чем я вцеплюсь Эле в волосы после очередной её шпильки в мой адрес. А она уже набирает в грудь воздух, явно готовясь к чему-то едкому.

— Так что ты хотела от моего мужа? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно. — Не уверена, что он скоро появится, а время уже позднее.

Куда уж прозрачнее? Намёк яснее некуда.

Но Эля не теряет. Она медленно поворачивается ко мне, скрещивает руки на груди, зеркалит мою позу, и открывает рот, чтобы что-то сказать.

И в этот момент входная дверь распаивается.

Дом наполняется холодным вечерним воздухом и знакомым запахом парфюма.

Юра замирает на пороге, переводя взгляд с меня на Элю, затем на девочку на диване. Лицо его темнеет буквально за секунду.

— Я же сказал тебе, чтобы ты не совалась сюда, — сверлит её взглядом, хмурясь.

Визуализация

Антонина Гаранина, 25 лет

Домохозяйка, занимается домом и полностью погружена в такую жизнь, хотя сначала хотела работать и самореализовываться.

Юрий Гаранин, 35 лет

Адвокат, занимается налоговым правом. До Тони у него была насыщенная личная жизнь, в которой был бурный короткий роман с Эльвирой.

Алиса Торопова, 5 лет

Дочь Юрия, которая мечтала о том, чтобы у неё появился отец, который бы с ней играл, всюду ее возил, в общем, был активно вовлечен в её жизнь.

В ожидании новой главы приглашаю вас в свою увлекательную книгу
"Развод. Уволена в запас"

<https://litnet.com/shrt/Tq8w>

Десять лет брака, закрытый военный городок, жизнь, выверенная по уставу.

Я была уверена, моя семья — крепость. Пока однажды муж не сообщил, что нам нужно развестись. Временно.

— Тот брак будет фиктивным. Два года, и я вернусь к тебе.

— А меня ты спросил? Буду ли я тебя ждать?

Как пережить развод с любимым мужем, зная, что он будет жить с другой? Делить с ней дом, фамилию, постель.

И что, если фиктивный брак перестанет быть временным? А я — всего лишь уволенная в запас жена, которую никто не собирается возвращать.

Глава 3 Юрий

В годовщину свадьбы хочется провести время с женой. Вполне себе естественное желание. Проснуться рядом, никуда не спешить, поужинать спокойно, без телефонов и срочных звонков. Но, как и всегда, моим клиентам нет дела до моей личной жизни. Своя шкура ближе к телу — это правило работает безотказно. Тем более что в момент, когда они только обращаются ко мне, они находятся в такой глубокой жопе, что не до сантиментов. Им не до чужих годовщин. Им бы свою шкуру спасти.

Почему же тянут до последнего? Да потому что осознание, что те деньги, что они заплатят мне, купят им свободу и станут меньшей из потерь, приходит не сразу. До последнего надеются, что “само рассосётся”, что связи сработают, что можно договориться. Самоуверенность губит многих. Я берусь не за каждое дело. Выбираю перспективные. Не из благотворительности работаю.

Ни один адвокат в этом не признается в лоб, но это типичная практика. Никому не хочется проигрывать и снижать себе процент побед. Репутация — всё. Один громкий провал, и на тебя начинают смотреть иначе. Клиенты, конечно, тоже не признаются сразу, что на это они обращают внимание в первую очередь. Им важно чувствовать, что они покупают не просто услугу, а гарантию результата. Хотя, надо сказать, что беру я многих, потому что уверен в своих силах. И чаще всего вытаскиваю даже тех, кого другие списали.

Именно поэтому я и провёл предыдущие три часа в офисе, разжёвывая владельцу ювелирного завода, Кравцову, все тонкости его дела. Он сначала ерепенился, пытался сбить цену, рассказывал, что “всё под контролем”. Пришлось буквально по пунктам расписать ему, где именно его контроль закончится, если он сейчас не подпишет договор. Пока он не поставил подпись и не перевёл половину гонорара на счёт, я его не отпустил. Бизнес есть бизнес.

Устал, как собака. Голова гудит, рубашка липнет к спине, хочется просто тишины. И нормального вечера. С Тоней.

Ещё бывшая нарисовалась с какого-то перепуга именно сегодня. Уж не знаю, что Эльке от меня надо, но видеть её лишний раз мне совершенно не хочется. Расстались мы с ней очень некрасиво. Со скандалами, обвинениями, хлопаньем дверей. Тогда я думал, что это был один из самых токсичных эпизодов в моей жизни.

Но в ней ничего не поменялось за те годы, что я её не видел. Такая же наглая и упорная. Если ей что-то нужно — она прёт напролом. Именно поэтому, когда я увидел её в гостиной своего дома, я не сильно удивился. Где-то в глубине души я понимал, что она способна на такой демарш.

Но разозлился ужасно.

Потому что это наш вечер, чёрт возьми. Потому что я, как ни крути, собирался вернуться домой, пусть и с опозданием, но провести его с женой. Потому что последнее, что мне хочется, — устраивать разборки с Лебедевой на глазах у Тони.

— Юра, твоя жена ужасно негостеприимная. Чувствуется, что вьёт из тебя верёвки. А мне ты такого не позволял.

Ничего себе начало. Заявка на то, чтобы быть выставленной за порог в эту же секунду. Эля даже не успела снять пальто, стоит посреди гостиной, стряхивает с плеч несуществующую пылинку и смотрит на меня с тем самым прищуром, от которого когда-то у меня сводило скулы.

— И сейчас ничего не изменилось. Ты в нашем доме, так что фильтруй речь.

— Знаешь, ты бы сменил тон.

— Это не я к тебе заявился спустя почти шесть лет и качаю права.

Эля усмехается. Она всегда так делала, вела себя так, будто контролирует ситуацию, даже когда почва под ногами горит.

— Так и ситуация у нас с тобой непростая, знаешь ли.

Я поворачиваю голову к дивану и сталкиваюсь со взглядом девочки, которая с интересом рассматривает меня. Лет пять, может, шесть. Тонкие косички, розовые колготки, в руках плюшевый заяц с оторванным ухом. Сидит тихо, не ёрзает, только глазами хлопает.

Зачем Эля притащила её с собой? Могла бы оставить с отцом. Или с няней.

— Поясни про ситуацию.

Я стараюсь не жестить, но челюсть сводит. Чувствую, как под рубашкой по спине стекает холодный пот. Не люблю, когда меня ставят перед фактом. Особенно в моём же доме.

— Я пять лет молчала, потому что думала, что так лишаю тебя самого ценного, твоего ребёнка.

— Стоп. Моего? — прерываю её.

Она намекает, что эта девочка — моя дочь?

Эля смотрит прямо.

— Да. Алиса — твоя.

Это надо переварить. И заодно успокоиться, потому что сейчас эту тварь мне просто хочется придушить. Пальцы сами собой сжимаются в кулаки. Я отворачиваюсь к окну, делаю шаг, ещё один, будто расстояние между нами способно вернуть контроль.

Пять лет.

Пять лет она молчала. Пять лет я жил, не подозревая. Пять лет кто-то другой водил её в сад, лечил сопли, учил завязывать шнурки.

— Ты серьёзно сейчас? — голос выходит хриплым. — Пять лет ты решала за меня?

— Я решала за себя, — холодно отвечает она. — Ты бы всё равно не поверил. Или отправил бы на аборт.

Я резко поворачиваюсь.

— Не перевирай. Я говорил, что мы не готовы. Это разные вещи.

Алиса переводит взгляд с меня на Элю и обратно, будто смотрит теннисный матч. Невинный, внимательный взгляд. И что-то в этом взгляде неприятно царапает, слишком знакомый разрез глаз. Слишком знакомая складка на переносице.

— Почему сейчас? — выдыхаю я. — Почему именно сегодня?

Она пожимает плечами.

— Потому что больше тянуть нельзя. Ей нужно знать отца. И тебе — знать о ней.

Как благородно звучит. Если бы не одно “но”: всё это — без моего согласия, без моего выбора.

Чёртова интриганка решила, что может пять лет прятать от меня дочь, а потом свалиться на голову и что-то требовать.

Тоня стоит рядом, но смотрит не на Элю — на девочку. На Алису. Взгляд у неё внимательный, настороженный.

— Ты понимаешь, что говоришь? — снова смотрю на Элю. — Пять лет. Пять. И ты приходишь вот так, и заявляешь...

— Я ничего не заявляю, — перебивает она. — Я констатирую факт.

Как же меня бесит её спокойствие.

— Факт? — усмехаюсь. — Факт — это тест ДНК. Всё остальное — твои слова.

Она кривится.

— Сделаем тест. Мне скрывать нечего.

Уверенность в голосе не оставляет пространства для манёвра. Я снова бросаю взгляд на девочку. Алиса сидит, прижимая к себе зайца, и явно улавливает напряжение, хотя и старается не подавать вида. Маленькая. Слишком маленькая для всего этого.

— Даже если... — запинаюсь, потому что язык не поворачивается сказать “если она моя”. — Даже если так, ты не можешь просто ворваться сюда и требовать.

— Я ничего не требую, Юр, — Эля делает шаг вперёд. — Я пять лет справлялась сама. Пять лет я не просила ни копейки, ни помощи, ни участия. Ты жил своей жизнью. Я — своей.

— Ты меня этой жизни лишила.

— Нет, — её голос впервые дрожит. — Я тебя наказала. Тогда мне казалось, что это справедливо.

Вот оно, признание. Мелочное, эгоистичное, но честное.

— А сейчас? — спрашиваю я.

Она смотрит на Алису.

— А сейчас всё поменялось.

— В каком смысле поменялось?

— В прямом, — тихо отвечает Эля. — Я больше не могу быть для неё всем. И матерью, и отцом. Это несправедливо.

— Несправедливо? — у меня вырывается нервный смешок. — А пять лет было справедливо?

— Хватит цепляться к словам, — резко бросает она. — Теперь твоя очередь.

— Моя очередь... что?

— Быть родителем, Юр.

Я смотрю на неё, не понимая, к чему она ведёт. Внутри поднимается нехорошее предчувствие.

— Говори прямо.

Она сглатывает. Впервые за весь разговор отводит взгляд.

— У меня возникли обстоятельства. Серьёзные. Мне нужно на какое-то время уехать.

— Куда? — спрашиваю автоматически.

— Это не так важно.

— Для меня — важно.

— За границу, — выдыхает она. — По работе. И... не только.

Не только. Прекрасная формулировка.

— И что? — я уже знаю ответ, но всё равно спрашиваю.

Эля поднимает на меня глаза.

— Алиса останется с тобой. Я не прошу. Я ставлю тебя в известность. Ты её отец. Теперь твоя очередь нести ответственность.

— Ты с ума сошла, — медленно произношу я.

Глава 4 Антонина

Земля уходит из-под ног — больше не праздная фраза для меня. По мере того, как Эля выкладывает всё больше информации, я буквально теряю опору. В ушах шумит, ладони холодеют, а комната будто становится меньше. Воздуха ощутимо не хватает.

То, с какой уверенностью она сообщает о том, что теперь забота об Алисе на Юре, не оставляет сомнений — она не блефует. Ни тени сомнения в голосе, ни паузы, ни попытки смягчить удар. Всё уже решено. За нас. Без нас. Но как можно бросить своего ребёнка чужому по факту человеку? То, что она когда-то встречалась с Юрой, не значит равным счётом ничего.

Однако я не вмешиваюсь. Чувствую, что не время. И не место. Я эту женщину совсем не знаю. Беглого взгляда на неё хватило, чтобы понять — она непростая, мягко сказано. Взгляд прямой, цепкий. Движения уверенные. Ни капли растерянности. Она не выглядит матерью, которая вынуждена оставить ребёнка. Она выглядит человеком, который принял решение и не собирается его обсуждать.

— В общем, мне плевать, что ты обо мне думаешь, Юра. Называй меня как хочешь. Это не имеет никакого значения. Я сейчас принесу из машины вещи Алисы, документы.

Говорит так, будто передаёт курьера с посылкой. Не дожидаясь реакции, резко разворачивается и цокает каблуками к выходу. Дверь хлопает громко. В доме становится оглушительно тихо.

Я медленно выдыхаю. Сердце колотится где-то в горле.

Правильно я сделала, что ещё перед тем, как накрыть стол, свой подарок Юре спрятала. Маленькая коробочка лежит в ящике комода в спальне. Я даже ленточку выбирала тёплого кремового цвета. Вообще не в тему было бы дарить сегодня тест с двумя полосками. Слишком много перемен в один момент. Слишком много ударов по нервам.

Я представляю, как протягиваю ему коробку прямо сейчас. После слов “это твоя дочь” услышать ещё и “ты снова станешь папой”. Нет. Это было бы слишком. Думаю, ему стоит переварить одну новость, прежде чем узнавать о второй. И мне тоже.

Мы переглядываемся с Гараниным. В его взгляде растерянность, злость, шок — всё вперемишку. Он будто постарел за последние пятнадцать минут. Синхронно смотрим на Алису.

Та сидит на краешке дивана, болтает ногами, рассматривает рисунок на ковре. Пальцем водит по узору, словно обводит невидимые линии. Ни слёз, ни истерики. Ни одного вопроса: “Мама куда?”

Если не знать, какая вокруг неё сложилась ситуация, я бы подумала, что она в полном порядке. Спокойный ребёнок, воспитанный, тихий. Только слишком уж взрослый у неё взгляд.

Спустя пару минут Эля закатывает в гостиную огромный чемодан. Колёса глухо стучат по стыкам ламината, цепляются за край ковра. Чемодан действительно огромный, будто она отправляет Алису не на пару недель, а в новую жизнь. В руках у неё плотная папка с файлами.

— Так, смотри, вот здесь все документы на Алису. Я сделала доверенность на тебя, на всякий случай.

Говорит деловито, сухо, будто передаёт бухгалтерские бумаги. Юра берёт папку, не спеша раскрывает, листает. Бумага шуршит в напряжённой тишине. Я слышу собственное дыхание.

На одном листе он задерживается особенно внимательно. Брови сходятся к переносице.

— Доверенность на пять лет? — поднимает на неё глаза.

— Ну да, а что такого.

— Тебе не кажется, что это долгий срок?

— Э-э-э... Да нет, — опускает глаза, и впервые за весь вечер в её голосе проскальзывает неуверенность.

— Надолго ты планируешь оставить её здесь?

— Пока не знаю. Ещё слишком всё непонятно. Но я буду на связи, если что.
Как будто речь о кошке, которую оставляют соседям на отпуск.

Юра закрывает папку резко.

— Стоп. Эля, ты мать. У тебя все права на ребёнка. А я даже не имею никаких документов, кроме этой доверенности, которая к тому же написана на коленке. Она не даёт мне буквально никаких прав.

— Этого достаточно на первое время.

— Ты себя слышишь? — голос у него уже не сдержанный, в нём металл. — Ты рассуждаешь как-то слишком уж туманно для матери, которая заботится о своём ребёнке.

Она взвизгивает мгновенно, как будто только и ждала повода. Делает шаг вперёд и тыкает в грудь Гаранина ярко-красным ногтем.

— Не надо мне предъявлять претензии, Юра! Это ты меня бросил тогда, заявив, что не хочешь со мной больше иметь ничего общего! И я одна все пять лет была с Алисой. Одна! — голос срывается. — Имею полное право теперь поступать так, как будет лучше для нас обеих.

Юра даже не отступает. Смотрит на неё сверху вниз, холодно.

— Уверена, что для Алисы так будет лучше? — с издёвкой обращается к бывшей.

На секунду в комнате становится совсем тихо. Даже Алиса перестаёт болтать ногами.

— Всё. Тема закрыта, — отрезает Эля. — Не получится вывести меня. Я поехала.

Она подходит к дочери и присаживается перед ней на корточки. Обнимает крепко.

— Алисён, постарайся поладить с папой, хорошо?

Девочка кивает, но тут же поднимает на меня взгляд.

— А эта тётя?

Внутри что-то болезненно сжимается.

— Ну, с ней тоже, — уже не так уверенно отвечает Эля.

— А если она мне не нравится?

Детская честность звучит куда прямее взрослой грубости.

— Придётся немного потерпеть, хорошо?

Алиса снова послушно кивает.

Эля поднимается, поправляет волосы, берёт сумочку. Ни взгляда на нас. Просто выходит, закрывая за собой дверь.

Дочь провожает её взглядом, не моргая. Глаза быстро наполняются слезами, но она упрямо их сдерживает. Только губы начинают дрожать, а пальцы сжимаются в кулачки.

Становится так её жалко, что сердце буквально разрывается. Весь мой гнев на Элю мгновенно теряет смысл. Передо мной не чужой ребёнок, а маленькая девочка, которую только что оставили.

Она ведь ни в чём не виновата, так?

Значит, мне стоит хотя бы попытаться наладить отношения. Даже если внутри всё переворачивается. Даже если мне страшно.

Иначе чем я буду лучше той же Эли?

Дорогие читательницы,

В литмобе "Тайный ребёнок мужа" вышла новинка

Саша Аверина "Развод. Немного изменил"

<https://litnet.com/shrt/RBX5>

– Кто вы такой? – спрашиваю хрипло.

Незнакомец проталкивается в квартиру.

– Я дядя ваших детей.

– К-к-как это? У моих д-дочек нет дяди... – Слова заплетаются.

– Если муж наконец соизволит сказать вам правду, то вы узнаете, что дядя у них есть. Я брат женщины, у которой он отобрал этих детей.

После удочерения близняшек моя жизнь стала полной и безумно счастливой.

Пока не оказалось, что за красивой улыбкой мужа скрывались ложь, измена и предательство.

А правда оказалась страшнее всего, что я могла себе представить.

Глава 5 Юрий

Эля, конечно, никогда не отличалась умом. Это, в частности, и было одной из причин, почему я решил расстаться. Вначале её легкомысленность казалась милой — смешные оговорки, наивные выводы, импульсивные поступки. Но довольно быстро стало понятно: это не очарование, а пустота. Если женщина глупая, то на короткий срок с ней завести отношения можно. Легко, без обязательств, без глубины. Но в перспективе шансов у неё никаких. Я тогда так и решил — с меня хватит.

За все годы с момента нашего расставания я вообще о ней не думал. Ни разу не ловил себя на ностальгии, не искал в соцсетях, не интересовался, как она живёт. Будто вырезал кусок прошлого и выбросил. Но с годами должна же появиться какая-то мудрость? Хоть минимальное понимание последствий своих поступков? На практике оказывается, что иногда возраст приходит один. И это случай Эли.

Я прохожу по гостиной, машинально поправляю папку с документами, которую всё ещё держу в руках. Бумаги тяжёлые, будто не листы, а ответственность в чистом виде. Пять лет доверенности.

Какая нормальная мать оставит дочь незнакомому мужчине и свалит в закат? Да ещё и не объяснив причин и сроков. “Пока всё непонятно”. Отличная формулировка. Просто образец конкретики.

Я бросаю взгляд на Алису. Она сидит тише воды, ниже травы.

Что я должен сказать ей, когда она начнёт спрашивать? А она начнёт. Не сегодня, так завтра. “Когда мама приедет?” “Почему она не звонит?” “Почему я тут?” И что я? Придумаю сказку? Скажу правду? А какая она, эта правда? Что её мать решила устроить свою жизнь и временно убрать ребёнка в сторону?

И это я ещё молчу о том, что я не уверен, что девочка моя. Мы с Элей никогда не были образцом верности и высокой морали. Хитрожопая Эля могла и наврать с три короба. Могла решить, что удобнее повесить ребёнка на меня — с моими возможностями, деньгами, стабильностью. Очень в её духе.

Надо делать тест. Обязательно. Без этого я не сдвинулся с места. Как бы ни давила на совесть ситуация, как бы ни смотрела на меня девочка своими большими глазами.

Только вот проблема в том, что даже если тест покажет, что она не моя... что тогда? Выставить ребёнка за дверь? Позвонить Эле и сказать: “Забирай, ошибка вышла”?

В один вечер моя жизнь развернулась на сто восемьдесят градусов. И самое неприятное — я вообще не контролирую происходящее.

А контроль я терять не люблю.

Посматриваю на Тоню, на которой лица нет, и решаю, что оставлять сегодня заботу об Алисе на неё не стоит. Она стоит у стола, сжимает край скатерти. Губы побелели, взгляд стеклянный.

И вообще, неплохо бы поговорить. Только наедине. С ребёнком хватит взрослых разговоров. Неизвестно, какие выводы она сделала из того, что слышала сейчас. Дети слышат больше, чем нам кажется. И понимают глубже.

— Алиса, вы с мамой вместе собирали тебе вещи?

Она поднимает на меня глаза. Взгляд осторожный, изучающий.

Кивает.

— Давай ты поможешь мне найти пижаму? Пора ложиться спать. Я покажу тебе твою комнату.

— У меня несколько пижам.

— Они разные?

Подхватываю чемодан, тяжёлый, чёрт возьми, будто там не детские вещи, а кирпичи. Другой рукой беру её маленькую ладошку. Пальцы доверчиво сжимаются вокруг моих.

Оборачиваюсь к Тоне:

— Я вернусь и поговорим.

Она коротко кивает, но в глаза не смотрит.

— Да, и все красивые. Я сама выбирала. Есть со звёздочками, с ромашками и с облаками.

Голос у Алисы становится чуть живее. Видимо, безопасная тема.

— В какой ты сегодня хочешь спать?

— С облаками.

— Отлично, давай поищем.

В детской пахнет свежей краской и новым текстилем, мы только пару месяцев назад обустроили эту комнату “на будущее”. Я тогда смеялся, что Тоня торопится. Кто же знал.

Ставлю чемодан на пол, расстёгиваю молнию. Внутри аккуратные стопки, всё сложено идеально. Пижамы, футболки, книжки, даже маленькая ночная лампа в виде луны. Эля подготовилась основательно.

— Это с ромашками, — комментирует Алиса, вытаскивая одну. — А это со звёздочками. Они светятся в темноте.

— Серьёзно? — стараюсь звучать заинтересованно. — Проверим завтра.

Она едва заметно улыбается.

Процесс оказывается дольше, чем я ожидал. Умыться. Почистить зубы, она делает это старательно, с высунутым кончиком языка. Вопросы про выключатель. Про шторы. Про то, можно ли оставить дверь приоткрытой.

— Ты считаешь? — тихо спрашивает, уже лёжа под одеялом с облаками.

Я замираю на секунду. Никогда в жизни не читал ребёнку на ночь.

— Конечно.

Выбираем первую попавшуюся сказку из её чемодана. Читаю неровно, пару раз сбиваюсь. Она слушает внимательно, потом начинает задавать уточняющие вопросы, тянет время. Боится уснуть?

Когда её дыхание становится ровным, я ещё пару минут сижу рядом. Смотрю на профиль, на ресницы, отбрасывающие тень на щёки. Пытаюсь найти в этих чертах себя. И не понимаю, вижу ли.

Только спустя полтора часа я спускаюсь к Тоне. Она уже убрала всё со стола. Свечи погашены. Бутылка с вином исчезла. Праздника больше нет.

Тоня стоит у окна и растерянно всматривается в огоньки дорожки в саду. Они мягко мерцают в темноте.

— Тонь, разогреешь ужин?

Подхожу и обнимаю её со спины привычно. От этого она вздрагивает, будто я её напугал.

— Да, конечно, — аккуратно выкручивается из моих рук и идёт к холодильнику. Достает контейнеры с едой, ставит на стол, избегая моего взгляда.

Мне не нравится то, что она не идёт на тактильный контакт. Обычно она наоборот его инициирует, сама прижимается, берёт за руку. Это значит, что у нас всё плохо.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Тайный ребёнок мужа" вышла новинка

Наталья Ван "Развод. Твоя внебрачная тайна"

<https://litnet.com/shrt/xXyu>

— Пока, пап! — вдруг говорит моя племянница, глядя на моего мужа.

— Пап? Витя, это твои....дети? — я замираю.

— Мила, я всё объясню..., — его голос дрожит.

— Объяснишь? Как ты объяснишь, что у тебя есть дети от моей сестры?

Он молчит. И его молчание кричит громче любых слов.

Я не знала, что у меня есть племянники. Оказалось, есть. И их отец — мой муж. Но есть кое-что, чего не знает никто из них. Я не та, кто промолчит. Я подаю на развод. И мой муж ещё пожалеет, что когда-то, так жестоко предал не только меня, но и наших детей.

Глава 6 Юрий

— Тоня, ты же понимаешь, что я ничего об этом не знал? Эля не потрудилась мне сообщить о беременности. Ну и прежде, чем делать выводы, я всё же проверю её слова.

Я стараюсь говорить спокойно, ровно. Даже мягче, чем обычно. Мне кажется, что это должно её успокоить, заставить пойти на диалог. Дать ощущение контроля, логики, плана.

Но я ошибся. Тоня только больше закрывается.

Она достаёт контейнеры, перекладывает еду в тарелку, ставит в микроволновку. Свет от панели падает на её бледный, напряжённый профиль. Ни одного лишнего движения. Ни одного взгляда в мою сторону.

Тарелка оказывается передо мной. Вилка — справа. Всё как всегда. Только между нами — пропасть.

Она отходит к окну и смотрит в темноту сада, будто там можно найти ответы.

— Что мы будем делать, если выяснится, что она не твоя? — спрашивает тихо, не оборачиваясь. — У твоей бывшей есть какая-то родня? Тот, кто может взять девочку себе?

— Нет, родители умерли, а родня никогда с ними не общалась. Я не знаю никого.

Я вспоминаю Элину семью — постоянные скандалы, разрывы, обиды. Там каждый жил сам по себе. Никакой опоры.

— Что в таких случаях вообще делают? Вызывают опеку? — задумчиво спрашивает темноту.

Слово “опека” звучит официально и холодно.

— Я думал об этом, — признаюсь. — Если ты хочешь, мы, конечно, поступим так.

Она резко оборачивается.

— Мне её жаль, Юр. Представь, что у неё на душе? — голос дрожит. — У меня волосы дыбом встают, когда я думаю о том, что мать её бросила. Ну, по крайней мере сейчас это выглядит так. Если мы вызовем опеку, её заберут. Как долго она там будет, пока Эля не хватится? Это так жестоко.

Ужин остывает. Есть не хочется.

— Надо выяснить, куда она уехала, для начала. И с какой целью.

Говорю всё это, а сам чувствую, что оказался в большом беспрсветном пи*деце. Откровенно говоря, ситуация так плоха на данный момент, что понятия не имею, когда смогу её разрулить. Я привык решать проблемы по пунктам, имея план. А тут — сплошной хаос.

Во-первых, непонятен правовой статус, мой и Алисы. Даже если она моя, я официально никто. Доверенность на коленке — это смешно. Любой юрист разнесёт её в пух и прах. Но это вопрос решаемый. Этим займёмся.

Во-вторых, для Тони это всё огромный стресс. Чужой ребёнок, которого она имеет полное право не хотеть видеть в своём доме. И никто не вправе её за это осуждать. Если бы она знала о нём с самого начала наших отношений — это одно. Был бы выбор. Осознанное решение. Но вот так. Такого даже я не мог вообразить.

Я смотрю на неё, хрупкую, сжавшуюся у окна. И понимаю: ей сейчас больно не меньше, чем мне.

К тому же, мы и сами уже какое-то время работали над детьми. Приятная работа, ничего не скажешь. Лёгкая, страстная, без мыслей о последствиях, кроме радостных. Я даже усмеюсь невольно.

А как вообще люди с детьми этим занимаются? Теперь что ли придётся прятаться по углам? Шептаться? Ждать, пока уснёт? Мы далеко не самая тихая пара, особенно ближе к финалу. И мысль о том, что в соседней комнате будет лежать ребёнок... выбивает из привычной реальности.

И это только бытовая сторона. А есть ещё ревность. Есть её страх. Есть моя вина, хоть я ни в чём не виноват.

Я поднимаюсь из-за стола и подхожу к Тоне осторожно.

— Я не выбирал этого, — тихо говорю. — Но я выбираю тебя.

Она молчит.

— Тоня, скажи хоть что-то.

Она оборачивается медленно, будто каждое движение даётся с усилием.

— Прости, но радоваться твоей новоприобретённой дочери как-то не получается. Мне нужно это переварить. К тому же, ты слышал, что она сказала?

Я вздыхаю.

— Да. Но я надеюсь, она изменит своё мнение.

Перед глазами всплывает её серьёзное: “А если она мне не нравится?” Детская прямота. Без фильтров.

— Это был бы самый лучший вариант, — тихо отвечает Тоня.

— Я и сам понятия не имею, как искать к ней подход. Но для первого вечера всё прошло неплохо. Идём в кровать?

Она кивает, не глядя на меня. Мы действуем почти механически. Я убираю тарелки, она проверяет замки, гасит свет в гостиной. Праздничные свечи так и остаются на столе, аккуратно расставленные, как напоминание о том, каким должен был быть этот вечер.

В ванной Тоня чистит зубы, не смотря на меня в зеркале. Обычно мы в это время дурачимся, я могу приобнять её сзади, уткнуться носом в шею, шепнуть что-нибудь неприличное. Сегодня я пробую по привычке положить руки ей на талию.

Она едва заметно напрягается.

Не отстраняется резко. Но и не подаётся навстречу. Просто аккуратно убирает мою ладонь.

— Юр... — тихо.

И всё. Этого достаточно, чтобы я понял — не время.

Мы ложимся. Она отворачивается на свою сторону, подтягивает одеяло почти до подбородка. Между нами сантиметров тридцать, но ощущение, будто метр.

Я осторожно касаюсь её плеча.

— Тонь...

— Мне правда нужно время, — говорит она в темноту. — Я не злюсь на тебя. Но я не могу делать вид, что всё нормально.

Обычно она засыпает, прижавшись ко мне. Нога на моём бедре, рука на груди. Сегодня её спина — единственное, что я вижу.

Я лежу, смотрю в потолок. Слушаю тишину дома. Стараюсь убедить себя, что всё можно разрулить.

Не успеваю толком провалиться в сон, как в коридоре раздаётся быстрый топот маленьких ног. И следом — рыдания.

— Мама-а-а! — надрывно, с хрипом. — Где мама?!

Мы с Тоней одновременно поднимаемся в постели.

В следующую секунду в дверном проёме появляется растрёпанная Алиса, в пижаме с облаками, с мокрыми от слёз щеками.

— Где мама?.. — всхлипывает она, оглядывая комнату.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Тайный ребёнок мужа" вышла новинка

Марта Левина "Развод в 45. Случайная правда"

<https://litnet.com/shrt/uJ5E>

Спустя 15 лет брака, узнала о предательстве мужа и его второй семье. На стороне он воспитывает сына, ровесника нашей дочери. И уверяет, что любит нас обеих.

Глава 7 Антонина

Юра застывает, не сразу соображая, как действовать. Взгляд мечется между мной и дочерью, будто он боится сделать неверное движение и всё только ухудшить. Зато я, видимо на инстинктах, поднимаюсь с кровати и иду к ревущей девочке.

Пол холодный, воздух в коридоре тоже прохладный — мы перед сном открывали окно. Алиса стоит посреди прохода, маленькая, растрёпанная, и плачет так горько, будто потерялась в незнакомом месте. Впрочем, для неё так и есть.

Она спросонья мало что соображает, потому что тут же хватается за мою руку. Пальцы у неё горячие и липкие от слёз. Сжимает так крепко, что у меня и мысли нет о том, чтобы забрать руку.

Оглядываюсь на Юру, который настороженно наблюдает за этой картиной. Он уже сел на кровати, локти упёр в колени, готовый в любой момент вмешаться.

— Зови, если что, — шепчет.

Кивнув, веду Алису обратно в комнату. Она идёт за мной почти вслепую, шаркая ногами по полу и всхлипывая. Дверь тихо закрывается за нашей спиной.

В детской полумрак — только ночник на тумбочке светит мягким жёлтым кругом. Чемодан так и стоит раскрытый у стены, половина вещей вытащена, половина нет. Кукла лежит на подушке, ждёт хозяйку.

— Я хочу к ма-а-а-ме, — повторяет она снова и снова.

Каждое слово тянется, ломается на всхлипах.

— Алиса, мама решит свои дела и приедет за тобой. Она сейчас очень занята.

— Мамочка-а-а...

Она всхлипывает так жалобно, что внутри всё сжимается. Сажусь на край кровати и аккуратно тяну её за руку.

— Давай ложиться.

Алиса послушно забирается под одеяло, но продолжает плакать, уткнувшись лицом в подушку. Маленькие плечи под пижамой вздрагивают.

Нервы натянуты как струна. Я буквально чувствую, как в висках начинает стучать кровь. Не представляю, что ещё сказать. Опыта общения с детьми у меня никакого. Врать самозабвенно о том, что всё будет хорошо, лишь бы она успокоилась? Могу, конечно.

Но вдруг она запомнит?

— Давай с утра позвоним маме. А сейчас надо поспать.

— Мам... — продолжает всхлипывать.

Я осторожно глажу её по голове, пытаюсь повторить то, что когда-то видела у других: медленно, по волосам, от макушки к затылку. Волосы мягкие, пахнут детским шампунем.

— Тш-ш... спи.

— Мам... — снова.

И тут до меня доходит, что она меня просто не слышит.

Глаза у неё закрыты. Дыхание рваное, но она даже не смотрит на меня.

Лунатит?

Я осторожно наклоняюсь ближе.

— Алиса?

Никакой реакции.

Она только снова всхлипывает, сильнее сжимая край одеяла.

И продолжает тихо звать:

— Ма-ам...

Только когда она наконец-то начинает тихо сопеть, а бормотание и вовсе прекращается, собираюсь к себе.

Я ещё пару минут сижу на краю её кровати, на всякий случай. Слушаю, как выравнивается дыхание, как редкие всхлипы постепенно исчезают. Маленькая ладонь всё ещё лежит поверх одеяла, пальцы сжаты в кулачок.

Аккуратно высвобождаю из её пальцев край подушки, который она мяла всё это время, поправляю одеяло и встаю. Дверь прикрываю, чтобы слышать, если она снова проснётся.

По ощущениям я будто обезвредила тикающую на последних секундах бомбу.

В спальне горит только прикроватная лампа. Юра сидит на кровати, опершись спиной о изголовье, и сразу поднимает на меня глаза.

— Спит?

— Да, заснула наконец. Я пообещала ей, что завтра позвоним маме, но не уверена, что она слышала.

Сажусь на край кровати и машинально тру ладонями лицо. Усталость накатывает резко, но сон всё равно не приходит.

Юра проводит рукой по волосам и на секунду прикрывает глаза, будто собирается с мыслями.

— Это идея. Давай попробуем. Надеюсь, Эля не станет её настраивать против нас. Тем более, что пока тебя не было, я договорился с лабораторией, которая занимается забором анализов ДНК. Завтра съездим.

Я поворачиваю к нему голову.

— Не рано? Она же никому из нас ещё не доверяет.

Юра пожимает плечами.

— Я не хочу тянуть. Если Эля провернула всё это с чужим ребёнком...

Фраза повисает в воздухе. Он не договаривает, но и так понятно.

— Она на такое способна?

— Да.

Я смотрю на него несколько секунд, пытаюсь представить женщину, которая может просто привезти ребёнка и оставить его у бывшего.

Вздыхаю. Сна ни в одном глазу. Понятия не имею, как буду вывозить завтра новый день.

В голове крутится сразу десяток мыслей: звонок Эле, анализ ДНК, опека, чужой ребёнок в нашем доме... и наша жизнь, которая ещё утром была совершенно другой.

Ложусь на подушку и смотрю в потолок.

Надеюсь, что Алиса будет себя вести хорошо.

Я просыпаюсь раньше Юры — привычка. Несколько минут лежу, слушая тишину дома и пытаюсь понять, приснилось мне всё это или нет. Но потом вспоминаю маленькую фигурку под одеялом в соседней комнате, и внутри всё снова сжимается.

Нет, не приснилось.

На кухню спускаюсь осторожно, будто боюсь кого-то разбудить. Ставлю чайник, открываю холодильник, машинально достаю яйца, потом убираю обратно. Понятия не имею, что вообще едят дети.

Через пару минут на лестнице слышатся быстрые шаги.

Алиса появляется на кухне, волосы торчат во все стороны, будто она всю ночь крутилась. Она замечает меня и тут же останавливается. Лицо мгновенно становится настороженным.

— Доброе утро, — осторожно говорю.

Она молчит.

Смотрит на меня так, будто я чужая тётка, которая зачем-то оказалась в её доме.

— Что бы ты хотела на завтрак? — продолжаю я, стараясь звучать спокойно.

Алиса не отвечает. Просто отворачивается и смотрит в окно.

Я жду несколько секунд, сопротивляясь нарастающей растерянности.

— Может быть, омлет? Или бутерброды? — пробую снова.

Тишина.

Я уже начинаю чувствовать себя полной идиоткой, когда на кухню заходит Юра, сонно проводя рукой по волосам.

— Доброе утро.

— Доброе, — отвечаю тихо и киваю в сторону девочки. — Юр... спроси у неё, пожалуйста, что она хочет на завтрак.

Он смотрит на меня вопросительно, потом переводит взгляд на Алису.

— Алиса, что ты хочешь поесть?

Ответ появляется мгновенно.

— Манную кашу.

— Манную?

— Да, — спокойно повторяет она.

Юра смотрит на меня.

Я смотрю на него.

— У нас есть манка? — тихо спрашивает.

— Кажется, где-то была.

Он открывает шкафы, перебирает банки, пакеты. Через минуту достаёт небольшую пачку.

— Нашёл.

Я беру её и ставлю кастрюлю на плиту.

Честно говоря, манную кашу я варила последний раз... наверное, в детстве. Когда мама заставляла меня стоять рядом и мешать, чтобы не было комков.

Ладно. Разберёмся.

Наливаю молоко, включаю огонь, помешиваю. Манку всыпаю тонкой струйкой, стараясь не допустить катастрофы.

Алиса сидит за столом и наблюдает.

Не помогает, не разговаривает. Просто смотрит.

От этого взгляда мне становится не по себе.

Через несколько минут каша готова. Я наливаю её в тарелку, ставлю перед девочкой, добавляю кусочек масла.

— Попробуй.

Она берёт ложку.

Юра садится напротив, внимательно наблюдая.

Алиса набирает немного каши, кладёт в рот...

И через секунду с отвращением выплёвывает обратно в тарелку.

— Фу! Это несъедобная гадость.

Она морщится так, будто я подсунула ей что-то ядовитое.

Я чувствую, как к лицу приливает жар.

Хочется сказать что-нибудь резкое. Но я делаю вдох. Потом ещё один.

Сохраняю лицо.

— Юр, — тихо говорю, не глядя на девочку. — Позвони, пожалуйста, Эле.

Он сразу понимает, о чём я.

Берёт телефон, набирает номер и включает громкую связь. Мы оба ждём гудков, но вместо них раздаётся ровный механический голос:

— Абонент находится вне зоны доступа сети. Пожалуйста, перезвоните позже.

Юра хмурится и смотрит на экран.

— Попробуй ещё раз, — прошу.

Он нажимает повторный вызов. И снова:
— Абонент находится вне зоны доступа сети.
Мы с Юрой переглядываемся.
За столом Алиса тихо стучит ложкой по тарелке с моей кашей.

Дорогие читательницы,
В литмобе "Тайный ребёнок мужа" вышла новинка
Милана Лотос "Развод. Тайная семья моего мужа"

<https://litnet.com/shrt/k9No>

– Мы разведемся только тогда, когда я скажу. И запомни, Варвара: ты моя жена. Была, есть и будешь. Хочешь ты этого или нет. А все эти разговоры про развод оставь для подружек. Со мной этот номер не пройдет.

Муж полгода скрывал от меня свою вторую семью. Когда правда вскрылась, я потребовала развод. Но он против.

Он считает, что я никуда не денусь, но не знает, что измена – как бумеранг. И скоро его тайная семья уничтожит не только наш брак, но и жизнь нашей единственной дочери.

Глава 8 Юрий

Прямо сейчас мне хочется не только найти Элю, но и высказать ей всё, что думаю. Что значит телефон вне зоны действия сети? На что она, блин, рассчитывала, что Алиса за день привыкнет ко всему и не захочет ей позвонить?

Поражаюсь такой безответственности.

Как и вообще в целом формулировке о том, что она воспитывала дочь пять лет, а теперь настала моя очередь. Ребёнок — это не переходящее красное знамя, это на всю жизнь. Нельзя отменить, если не понравилось или стало сложно. Нельзя передать, как эстафетную палочку. Но ситуация сейчас напоминает именно это.

Хотя непонятно, откуда в таком случае такая привязанность к ней у Алисы. Девочка вчера рыдала так, будто её действительно оторвали от самого близкого человека. Может, это какая-то чисто детская фишка, любить несмотря ни на что? Даже если взрослые ведут себя, мягко говоря, странно.

Я смотрю на неё — маленькая, сидит за столом, ковыряет ложкой остывшую кашу. Лицо всё ещё немного припухшее после ночных слёз.

— Алис, мама пока не отвечает. Но ты не переживай, думаю, она сейчас занята. Давай мы съездим по делам, а когда вернёмся, снова попробуем позвонить?

Она поднимает на меня глаза. Взгляд у неё серьёзный, взрослый не по годам.

— Она обещала, что будет брать трубку всегда, — грустнеет.

Чёрт.

— У взрослых могут возникнуть обстоятельства, когда они вынуждены выключать телефон. Думаю, у мамы именно такая.

Отвратительно — врать, глядя в глаза ребёнку. Особенно когда сам до конца не понимаешь, где сейчас эта самая мама и что она вообще задумала.

Алиса молчит, снова опуская взгляд в тарелку.

— Алис, надо обязательно покушать, иначе у тебя не будет сил.

Она медленно качает головой.

— Юра, а этот анализ разве не натошак берут? — вдруг спрашивает Тоня.

Я напрягаюсь, пытаюсь вспомнить разговор с администратором. Девушка что-то говорила про подготовку. Прокручиваю в голове её слова. Кажется, так и есть.

— Да. Тогда Алис, давай собираться.

Девочка тут же настораживается.

— А что это будет за анализ? Кровь из ручки?

В голосе появляется тревога. Она прячет руки под стол.

— Нет, уколов не будет, — сразу подключается Тоня. — У тебя просто помажут палочкой во рту.

Алиса смотрит на неё с подозрением.

— Это не больно?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

Она ещё несколько секунд думает, будто взвешивает риски. Потом медленно слезает со стула, всё ещё хмурясь.

— Ладно...

До лаборатории мы едем молча.

Алиса сидит на заднем сиденье и всю дорогу смотрит в окно. Иногда ловлю её взгляд в зеркале, она наблюдает за нами, будто пытается понять, кто мы вообще такие и что собираемся с ней делать.

Когда мы паркуемся у здания лаборатории, она сразу напрягается.

— Мы быстро, — говорю я, выходя из машины.

Она кивает, но как только я открываю ей дверь, тут же хватается за мою руку. Не просто берёт, вцепляется. Пальцы впиваются в ладонь.

В холле несколько человек сидят на диванах, кто-то листает телефон, кто-то разговаривает по телефону вполголоса.

Алиса моментально прячется за меня.

— Всё хорошо, — тихо говорю, ведя её к стойке администратора.

За компьютером сидит девушка лет двадцати пяти. Она приветливо улыбается.

— Добрый день. Вы записывались?

— Да. На ДНК-тест.

Она начинает что-то печатать.

— Фамилия?

— Гаранин.

Девушка находит запись и поднимает глаза.

— Отлично. Вы будете сдавать вместе с ребёнком?

— Да.

Она переводит взгляд на Алису.

— Как тебя зовут?

Алиса ничего не отвечает. Её пальцы только сильнее сжимаются на моей руке.

— Алиса, — отвечаю за неё.

— Хорошо. А мама ребёнка где?

Я достаю папку с документами.

— У меня есть доверенность.

Девушка берёт лист, быстро пробегает глазами.

— Понятно. Тогда сразу предупрежу: мы можем провести тест, но результат будет носить информационный характер. Для юридического подтверждения нужно присутствие матери или решение суда.

Тоня рядом едва заметно напрягается.

— Нам пока достаточно этого, — говорю я.

Девушка кивает и начинает оформлять бумаги.

— Вы предполагаемый отец?

— Да.

Она снова смотрит на Алису.

— Значит, мы будем проверять, является ли мужчина твоим биологическим папой.

И вот тут всё идёт не по плану.

Алиса резко поднимает голову.

— А что, он может быть не папой?

В холле на секунду становится слишком тихо. Я чувствую, как Тоня рядом напрягается.

— Это просто проверка, — говорю спокойно. — Иногда взрослым нужно подтверждение.

Алиса хмурится.

— Мама сказала, что ты мой папа.

Она произносит это так уверенно, будто ставит точку в разговоре.

— Тогда зачем проверять? — добавляет она, уже с подозрением.

Я на секунду теряюсь.

— Это... обычная процедура.

— Ты маме не веришь?

— Дело не в этом, — отвечаю наконец.

Алиса ничего не говорит, но я вижу, что ей это не нравится.

Администратор, чувствуя неловкость, быстро заканчивает оформление.

— Хорошо. Проходите, пожалуйста, в кабинет номер три.

Мы идём по коридору. Алиса не отпускает мою руку ни на секунду.

В кабинете стоит стол, два стула и небольшой поднос с запечатанными палочками.

Медсестра в перчатках улыбается.

— Привет. Сейчас мы возьмём у тебя образец изо рта. Это совсем не больно.

Алиса сразу настораживается.

— А что вы будете делать?

— Просто проведу ватной палочкой по щеке.

Она смотрит на палочку так, будто это хирургический инструмент.

— Открой ротик, пожалуйста.

Алиса делает шаг назад.

— Нет.

Медсестра всё ещё улыбается.

— Это займёт буквально пару секунд.

— Нет.

Она отступает ещё на шаг и вжимается мне в бок.

— Алиса, — говорю мягко. — Всё хорошо.

— Я не хочу!

— Это не больно.

— Мне мама не говорила, что надо делать анализ!

Голос уже громче.

Тоня пытается вмешаться.

— Алис, смотри, это просто палочка...

— Нет!

Она резко вырывает руку и отскакивает к стене.

— Я не буду!

Медсестра переглядывается со мной.

— Может, вы попробуете её успокоить?

Я подхожу ближе.

— Алис, послушай...

— Вы врётё! — кричит она, и глаза у неё мгновенно наполняются слезами. — Вы хотите меня уколоть!

— Никто тебя не будет колоть.

— Хочу к маме!

Начинается настоящий скандал.

Она плачет, топает ногами, закрывает рот руками, когда медсестра пытается приблизиться.

— Нет! Не трогайте!

Люди в коридоре, кажется, уже слышат.

Я чувствую, как ситуация ускользает из рук.

Медсестра тихо говорит:

— К сожалению, если ребёнок так реагирует, мы не можем взять образец. Нужно, чтобы он сотрудничал.

Я закрываю глаза на секунду.

Алиса тем временем прижимается ко мне и всхлипывает:

— Я хочу домой...

Дорогие читательницы,
В литмобе "Тайный ребёнок мужа" вышла новинка
Евгения Вечер "Измена. Пятилетняя тайна мужа"

<https://litnet.com/shrt/MALr>

– Что происходит? - упрямо иду к выходу, но охрана мужа меня не пускает.

– Борис Данилович! Пожалуйста, поверьте мне! Я вам клянусь, Леночка правда ваша дочь!

Что этой женщине нужно от моего мужа? Что она такое говорит?

– Уберите её, - слышится брезгливый голос Бори.

А после я и мой муж Борис остаёмся наедине, и он отравляет моё сердце горькой правдой:

– Я изменил тебе пять лет назад. И сегодня выяснилось, что у моего увлечения есть последствия. Я всё проверю, и если окажется, что девочка действительно моя дочь, тогда...

Я думала, что у нас образцовая семья. Любовь, взаимоуважение и глубокое понимание друг друга. Выходит, что последние пять лет я жила во лжи!

Я уверена, нас ждёт развод и гибель нашей любви. Но... Борис не намерен отпускать меня так просто.

Глава 9 Антонина

— Извините, подскажите, можем мы взять пробирку с собой, взять анализ самостоятельно?

Я стараюсь не показывать Алисе, насколько её поведение выбивает меня из колеи, поэтому спрашиваю максимально спокойно.

Медсестра явно не ожидала такого вопроса. Она неловко переступает с ноги на ногу, поправляет перчатки и смотрит то на меня, то на Алису, которая всё ещё стоит у стены, обняв себя руками.

— Мы такое не практикуем вообще-то, — мнётся она.

Голос у неё становится осторожным, будто она уже заранее готовится отказать.

Я выдыхаю медленно, чтобы не звучать раздражённо.

— Нам уже говорили, что результат анализа не имеет юридической силы в нашем случае, так что это не то чтобы важно, чтобы брали именно вы. Объясните нам принцип, думаю, дома мы справимся.

Она колеблется. Поворачивает голову к двери, словно там может появиться подсказка.

— Подождите.

Медсестра быстро снимает перчатки, бросает их в контейнер и выходит из кабинета.

Дверь тихо закрывается.

Мы остаёмся ждать.

В кабинете сразу становится слишком тихо. Слышно только, как где-то в коридоре гудит кондиционер и скрипит дверь соседнего кабинета. На столе лежит поднос с запечатанными палочками и маленькими пробирками, и Алиса смотрит на них настороженно, как на что-то опасное.

Она стоит у стены, прижавшись плечом к шкафу с медицинскими коробками.

Юра молчит, прислонившись к подоконнику.

Только убедившись, что медсестры рядом нет и дверь закрыта, Алиса осторожно отлипает от стены.

Медленно подходит к Юре.

— Пожалуйста, поедem домой.

Она смотрит снизу вверх. Глаза всё ещё влажные после слёз, ресницы слиплись. Пальцы у неё нервно теребят край рукава.

— Алиса, нам важно сделать этот анализ.

Она хмурится.

— Зачем?

И вдруг совсем тихо:

— Ты не хочешь быть моим папой?

Юра присаживается на корточки, чтобы быть с ней на одном уровне.

— Скорее, это необходимо для всяких взрослых дел. Понимаешь, пока ты с нами, мы несём за тебя ответственность. И для этого мне нужен документ, где будет написано, что ты моя дочка.

Она опускает взгляд. Долго смотрит в пол. Носком кроссовка водит по плитке, будто рисует на ней линию. Потом начинает мять край своей кофты.

— Если я сам возьму у тебя палочкой мазок изо рта, когда мы приедем домой, — говорит осторожно, — ты разрешишь?

Она молчит ещё несколько секунд, потом пожимает плечами.

— Ладно.

Как раз в этот момент в коридоре снова слышатся шаги.

Дверь открывается, и медсестра возвращается. В руках у неё маленький пластиковый пакет с набором для анализа.

— Вам разрешили.

Она кладёт пакет на стол и начинает объяснять, уже более деловым тоном.

— Смотрите, нужно, чтобы девочка не ела восемь часов. Лучше всего с утра брать анализ.

Она достаёт из пакета запечатанную палочку и показывает.

— Аккуратно палочкой проводите по внутренней стороне щеки. С одной стороны и с другой. Несколько раз.

Алиса смотрит на палочку настороженно, но уже без паники.

— Затем кладёте её в пробирку, закрываете и как можно быстрее доставляете образец нам.

— Хорошо, — киваю я. — Сколько у нас времени?

Медсестра на секунду задумывается.

— Лучше бы привезти завтра.

Она протягивает пакет мне.

Мы возвращаемся домой, и Алиса сразу уходит в свою комнату.

Даже не раздевается толком, стягивает кроссовки на ходу и исчезает за дверью. Я слышу, как щёлкает ручка. Потом тишина.

Я решаю не трогать её пока.

После лаборатории она и так на взводе. Пусть немного побудет одна.

Юра стоит в коридоре, всё ещё держа в руках пакет с набором для анализа. Несколько секунд он смотрит на дверь Алисы, будто пытается решить, стоит ли идти за ней. Потом тяжело выдыхает.

— Тоня, мне надо съездить в офис. Никак не получится остаться. Вы справитесь?

Киваю.

Я понимаю. У него работа, люди, встречи, дела, которые не остановились в момент. Я не могу заставить его бросить всё и сидеть тут с нами.

— Конечно, — отвечаю я. — Езжай.

Он задерживается ещё на секунду, словно ждёт, что я передумаю. Потом быстро целует меня в висок, надевает куртку и выходит.

В квартире становится непривычно тихо.

Я остаюсь одна. Точнее, не совсем одна. Надеюсь, у меня получится найти контакт с Алисой. Пока что все наши разговоры напоминают хождение по тонкому льду.

Я иду на кухню, ставлю чайник. Просто чтобы чем-то занять руки.

Откровенно говоря, я была бы рада, если анализ оказался отрицательным. Эта мысль появляется до того, как я успеваю её остановить. В таком случае всё гораздо проще.

Я опираюсь руками о столешницу и смотрю в окно.

Я мечтаю о детях довольно давно. Но есть нюанс: о своих.

Я представляла беременность, младенца, первые шаги, детский сад. Всё постепенно, естественно. А не так. Не девочку пяти лет, которая смотрит на меня настороженно, будто я враг.

Стать матерью уже взрослой девочке, да ещё и настроенной против меня — сильный стресс. Я сейчас не могу расслабиться ни на минуту.

Ловлю себя на том, что контролирую всё: как говорю, как двигаюсь, каким тоном обращаюсь к ней. Иногда даже то, как смотрю.

Настолько, что контролирую не только поведение и речь, но и мысли. Мне кажется, что я не должна думать плохо. Что обязана сразу принять её, полюбить, стать взрослой и мудрой.

Но мысли не всегда спрашивают разрешения.

Что, если она всё испортит? Если Юра будет больше на её стороне, чем на моей? Если наша жизнь теперь всегда будет такой?

И каждый раз после этого чувствую укол стыда.

Сразу начинаю себя ругать.

Потому что Алиса — ребёнок. Она не выбирала эту ситуацию. В конце концов, взрослые тут мы с Юрой.

Но хватает меня ненадолго.

В детской сначала тихо. Потом что-то глухо падает.

— Алиса? — зову осторожно.

Ответа нет. Проходит несколько секунд, и я всё-таки иду по коридору. Дверь в её комнату закрыта не до конца.

Я стучу костяшками пальцев.

— Можно?

В ответ только тишина, поэтому я приоткрываю дверь. И сразу понимаю, что зря надеялась на спокойный вечер.

Алиса сидит на стуле за письменным столом. Перед ней — рамка с нашей с Юрой фотографией. Той самой, что мы поставили сюда пару месяцев назад, когда только обустраивали комнату для будущего ребёнка.

Теперь стекло из рамки вынуто.

Фотография лежит на столе, а Алиса сосредоточенно что-то делает с ней фломастером.

— Алиса...

Она вздрагивает и резко закрывает ладонью лист.

— Что ты делаешь?

Дорогие читательницы,

В литмобе "Тайный ребёнок мужа" вышла новинка

Лера Корсика "Развод. Подкидывай командира"

<https://litnet.com/shrt/axNr>

— Это мой ребенок и он будет жить с нами, — спокойно говорит муж.

А во мне все кипит!

— Что? Что ты такое говоришь? Ты его нагулял! Ты изменил мне...

— Но ты же нормально родить не можешь!

Семь долгих лет я, квалифицированный врач, мотаюсь по гарнизонам за своим мужем. В горе, и в радости. Я думала, он меня любит. Оказалось, все это время он вел двойную жизнь...

Глава 10 Антонина

— Не смотри!

Алиса вскрикивает так резко, что я на секунду замираю на пороге. Но потом всё равно делаю шаг внутрь.

Игнорирую её крик, иду ближе, чтобы увидеть, что она нарисовала.

Она пытается закрыть фотографию ладонями, потом неловко прячет её за спину, но делает это слишком поздно.

Я успеваю заметить только, что все её художества находятся поверх моего лица. Чёрные жирные линии. Какие-то круги, усы, огромные очки и ещё несколько перечёркивающих штрихов.

Юру она не тронула. Только меня.

Несколько секунд я просто смотрю на неё.

Алиса стоит на стуле у стола, плечи напряжены, подбородок упрямо вздёрнут. Пальцы сжимают край фотографии так, что бумага мнётся.

— Зачем ты испортила фотографию? — наконец спрашиваю я, стараясь говорить спокойно. — Разве мама тебе когда-то разрешала так делать?

Алиса молчит, насупившись. Смотрит куда-то в сторону, будто меня здесь вообще нет.

Меня это только больше накаляет, ведь я правда хочу понять её мотивы. Да, взаимной любви с первого взгляда у нас с ней не возникло, но зачем портить наши фото?

— Алиса, я с тобой разговариваю.

Она всё ещё не смотрит на меня. Только сильнее сжимает фотографию за спиной.

Я замечаю на столе открытый фломастер, колпачок валяется рядом. На светлой поверхности столешницы остались несколько чёрных точек.

— Это была нормальная фотография, — продолжаю я. — Мы с Юрой её здесь поставили, потому что...

Я осекаюсь. Потому что что? Потому что готовили комнату для нашего ребёнка?

Это сейчас звучит ещё более странно.

— Потому что это наш дом, — заканчиваю я неловко.

Алиса наконец поворачивает голову, смотрит прямо на меня.

— Мой тоже.

Фраза звучит тихо, но упрямо.

— Да, — соглашаюсь я. — Сейчас и твой тоже. Поэтому я и пытаюсь понять, почему ты так сделала.

Она поджимает губы.

На секунду мне кажется, что сейчас она что-то скажет.

Но вместо этого Алиса просто пожимает плечами.

— Просто так.

— Просто так люди обычно ничего не делают.

Она снова молчит.

В комнате становится душно. Я начинаю раздражаться всё сильнее.

— Алиса, я не ругаю тебя. Я пытаюсь разобраться.

Она резко прыгивает со стула. Фотография по-прежнему за спиной.

— Это всего лишь картинка.

— Но ты нарисовала только на мне.

Она закатывает глаза — жест, который я вообще не ожидала увидеть у пятилетнего ребёнка.

— Потому что ты мне не нравишься.

Я на секунду теряюсь.

— Почему?

Она снова пожимает плечами.

— Потому что ты папина жена. И ты здесь вместо мамы.

Я открываю рот, чтобы что-то ответить. Но понимаю, что не знаю, что именно сказать. Слова будто застревают где-то в горле. Любая фраза сейчас звучала бы либо глупо, либо фальшиво.

Алиса тем временем внимательно смотрит на меня. В её взгляде нет ни страха, ни раскаяния, только упрямство и детская обида.

— Я не вместо твоей мамы, — всё-таки говорю тихо. — Я...

Кто я вообще ей? Папина жена? Тётя? Чужой человек?

— А мама сказала, что ты всё равно не настоящая.

Я чувствую, как внутри неприятно холодеет.

— Что значит не настоящая?

Она снова пожимает плечами.

— Ну... что ты просто папина жена на время.

Сказано это так просто, будто объясняет очевидную вещь. Я делаю ещё один шаг к ней.

— Алиса, послушай...

Но она вдруг резко вытаскивает фотографию из-за спины. Несколько секунд держит её перед собой, будто раздумывает. А потом бросает на пол, прямо мне под ноги.

— На, — бурчит она. — Забирай.

И, не дожидаясь моей реакции, разворачивается и бежит к двери.

— Алиса!

Но она уже выскакивает в коридор. Я остаюсь стоять посреди комнаты, глядя на фотографию на полу. Наклоняюсь и поднимаю её.

И только теперь могу рассмотреть всё внимательно.

На моём лице нарисованы огромные круглые очки. Поверх — кривые усы. Щёки перечёркнуты жирными линиями. А прямо через рот проведена толстая чёрная полоса.

Юра на фотографии стоит рядом, улыбается, обнимает меня за плечи. Его лицо абсолютно чистое.

Только моё изрисовано. От этого почему-то становится особенно неприятно.

Я провожу пальцем по бумаге, пытаюсь стереть хотя бы часть линий, но фломастер только размазывается ещё сильнее.

Глупо, конечно. Это всего лишь фотография. Но всё равно обидно. Настолько, что в глазах вдруг начинает неприятно щипать.

Я медленно опускаюсь на край кровати, всё ещё держа фото в руках. В голове крутятся её слова.

Ты папина жена.

Ты здесь вместо мамы.

Ты не настоящая.

В груди становится тяжело. И вдруг я чувствую неприятную тянущую боль внизу живота.

Я замираю. Провожу ладонью по животу, будто пытаюсь нащупать источник боли.

Тянет. Несильно, но неприятно.

Сердце сразу начинает биться быстрее. Нет. Только не это.

Я медленно выпрямляюсь, стараясь дышать ровно. Наверное, просто нервы.

С утра столько всего произошло. Стресс, скандалы, эта лаборатория, разговоры... организм просто реагирует.

Но тревога всё равно не утихает. Я снова кладу руку на живот.

— Всё хорошо... — шепчу сама себе.

Но голос почему-то звучит совсем неуверенно.

Я ещё несколько секунд сижу на кровати, прислушиваясь к ощущениям внизу живота. Боль тянущая, но не острая. Скорее неприятное напоминание о том, что мне сейчас лучше бы не нервничать. Легко сказать.

Делаю несколько медленных вдохов и выдохов. Ладонь всё ещё лежит на животе. Постепенно напряжение чуть отпускает.

Если я сейчас начну паниковать, легче точно не станет.

Я снова смотрю на фотографию в руках. Чёрные линии на моём лице кажутся ещё толще, чем минуту назад. Потом вдруг вспоминаю, что фотография глянцева.

Поднимаюсь с кровати и иду на кухню. Роюсь в ящике у раковины, достаю губку, салфетки, даже жидкость для мытья стёкол. Несколько секунд разглядываю всё это, пытаюсь сообразить, что подойдёт.

— Попробуем, — бормочу себе под нос.

Кладу фотографию на стол и аккуратно провожу влажной салфеткой по краю чёрной линии.

Фломастер сначала расплывается, превращаясь в серое пятно, и у меня внутри всё холодеет, только хуже сделаю. Но потом, если аккуратно потереть, краска начинает сходить.

Сажусь за стол и принимаюсь стирать линии одну за другой. Медленно, осторожно, чтобы не размазать сильнее. Салфетка постепенно становится серой, пальцы пахнут спиртом и фломастером.

Через несколько минут на месте усов остаётся только бледный след. Очки тоже исчезают. Самая толстая линия через рот стирается дольше всего, но и она в итоге почти пропадает.

Рассматриваю результат. Если не приглядываться, почти ничего не видно. Только лёгкие разводы на глянце. Ну и отлично.

Беру рамку, вставляю фотографию обратно. На секунду задерживаюсь, глядя на наши с Юрой улыбающиеся лица.

Возвращаюсь в комнату Алисы и ставлю рамку на полку, но через пару секунд понимаю, что это плохая идея. Она легко сможет до неё дотянуться.

Оглядываюсь. В итоге поднимаю рамку выше, на верхнюю полку шкафа, куда даже со стула будет трудно достать.

Отступаю на шаг, проверяя. Да. Так надёжнее.

И тут в голову приходит новая мысль.

Говорить ли Юре?

Если я расскажу, он расстроится. Или разозлится. Может начать воспитывать Алису, а она и так сейчас на взводе. Но и молчать... Тоже странно.

Я облокачиваюсь на столешницу и смотрю в окно. Во дворе кто-то выгуливает собаку, мимо проходит женщина с коляской.

Наверное, Юра должен знать. Но в то же время мне совсем не хочется, чтобы он думал, будто я жалуюсь на его дочь.

Я снова машинально кладу ладонь на живот. Тянущая боль почти прошла.

Решаю, что пока промолчу. По крайней мере до вечера. Посмотрю, как будет вести себя Алиса дальше.

В конце концов, это всего лишь испорченная фотография.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Тайный ребёнок мужа" вышла новинка

Мила Рейне "Развод. Между нами твоя тайна"

<https://litnet.com/shrt/sr37>

- Объясни... Что происходит? – я смотрю на мужа, потом перевожу взгляд на семилетнего мальчика, который очень похож на Игоря.

- У меня есть сын. Он старше нашей дочери на два месяца, - заявляет муж.

- Почему ты раньше мне не рассказал про то, что у тебя есть ребенок? – выдыхаю я.

- Потому что, Лиза, если бы я сказал правду, ты бы отменила свадьбу. Я не хотел тебя потерять.

- Если бы не ты, мой сын рос бы в полноценной семье! Ты увела у меня мужчину! - заявляет незнакомка, обнимая мальчика. – Теперь Тимоша будет жить с отцом, я устала одна воспитывать ребенка.

У меня дрожат руки. Увела? Но когда мы встретились, Игорь клялся, что свободен. Он лгал мне! Он семь лет скрывал, что у него есть сын от другой женщины.

Я беременна, у нас с Игорем скоро родится вторая дочь. И я не представляю, как теперь жить дальше.

Глава 11 Юрий

Вернувшись домой, обнаруживаю картину маслом. Алиса смотрит мультики на телевизоре в гостиной, Тоня занята на кухне.

Казалось бы, идиллия.

По экрану скачут какие-то яркие звери, звучит весёлая музыка, Алиса сидит на диване, поджав под себя ноги и обняв подушку. В кухне тихо звякает посуда — Тоня что-то перекладывает, кажется, режет овощи.

Обычная домашняя сцена. Но я сразу чувствую — что-то не так.

Атмосфера в квартире напряжённая настолько, что тронь и рванёт. Будто кто-то натянул между кухней и гостиной невидимую струну.

Что у них тут случилось, пока меня не было?

Я снимаю куртку, бросаю ключи на тумбу и прохожу в гостиную.

— Привет, Алис. Как твои дела?

Она даже не поворачивает головы. Смотрит на экран, но как будто не видит, что там происходит.

— Плохо, — грустно сообщает.

Я хмурюсь и сажусь рядом на диван. Подушка под ней немного съезжает, и она автоматически подтягивает её к груди сильнее.

— Что случилось?

Несколько секунд она молчит. Потом всё-таки поворачивает ко мне лицо. Глаза у неё немного припухшие.

— А мама скоро вернётся?

Вот чёрт. Я и сам не знаю ответа на этот вопрос.

— Не знаю, — честно говорю. — Я пытаюсь с ней связаться.

Она опускает взгляд на свои пальцы и начинает тереть угол подушки.

Потом вдруг тихо говорит:

— Твоя жена меня не любит.

У меня от такого заявления глаза на лоб лезут.

Я автоматически бросаю взгляд на кухню. Тоня стоит у плиты спиной к нам, что-то помещивает в кастрюле. Кажется, она нас не слышит.

Тоня — добрейшей души женщина, она и муху не обидит. Тем более и речи не может быть о том, чтобы она невзлюбила с первого взгляда ребёнка.

— Может, тебе кажется?

Алиса сразу качает головой.

— Неа.

Она произносит это очень уверенно.

— Она на меня злилась и хотела стукнуть.

Я резко выпрямляюсь.

— Что?

Алиса продолжает смотреть на экран, будто разговор вообще не про неё.

— А что ты сделала?

Она пожимает плечами.

— Всего лишь смотрела вашу фотографию.

Я нахмуриваюсь.

— Ты точно рассказала мне обо всём? Вряд ли Тоня могла на тебя злиться поэтому.

Алиса наконец поворачивается ко мне всем корпусом.

— Угу.

— Угу — это да?

— Да.

Она смотрит прямо, широко раскрытыми глазами.

— Ты мне не веришь?

Невинный взгляд, которым она на меня смотрит, убеждает меня в том, что всё сказанное Алисой — правда. Но как человек, который работает с людьми, я понимаю, что это ещё ничего не значит.

Люди в целом такие изобретательные, что иногда диву даёшься. Тем более дети.

Я снова смотрю на кухню.

Тоня как раз в этот момент закрывает крышкой кастрюлю. Движения у неё спокойные, но какие-то слишком аккуратные, будто она старается держать себя в руках.

И вот теперь мне становится по-настоящему интересно, что именно произошло между ними, пока меня не было дома.

Я ещё пару секунд сижу рядом с Алисой, наблюдая за ней краем глаза. Она снова утыкается в мультик, но я вижу — смотрит невнимательно. Подушка по-прежнему зажата у неё в руках, пальцы перебирают ткань.

— Я сейчас приду, — говорю ей.

Она никак не реагирует.

Я поднимаюсь и иду на кухню.

Тоня стоит у плиты. Когда я вхожу, она как раз выключает конфорку и снимает кастрюлю. Волосы убраны в хвост, несколько прядей выбились и падают на щёку. Она выглядит уставшей.

Но когда замечает меня, всё равно улыбается.

Я подхожу к ней со спины, обнимаю за талию и целую в висок.

— Привет.

Она на секунду замирает, будто не ожидала прикосновения, но потом всё же накрывает мою руку своей.

— Привет.

Голос мягкий, но немного напряжённый. Я чувствую это сразу.

— Как вы тут?

Она делает паузу, будто подбирает слова.

— Нормально.

Я слегка поворачиваю её к себе.

— Тонь.

Она вздыхает и отводит взгляд к столешнице.

— Что?

— Алиса сказала, что ты на неё злилась. И даже... — я запинаясь на секунду, — что хотела её ударить.

Тоня резко поднимает на меня глаза. Настолько искренне удивлённые, что я даже сам на секунду теряюсь.

— Что?

— Она так сказала.

Несколько секунд Тоня просто смотрит на меня, будто пытается понять, серьёзно ли я.

— Юра... — тихо говорит она. — Я даже близко такого не делала.

Я внимательно слежу за её лицом.

Ни раздражения, ни обороны. Только растерянность.

— Тогда расскажи, что произошло.

Она медленно выдыхает и опирается бедром о край столешницы.

— Она смотрела фотографию в своей комнате. Ту, где мы с тобой на набережной.

Я киваю. Помню эту рамку.

— Когда я зашла, она уже рисовала на ней фломастером.

Я морщусь.

— На фотографии?

— На моём лице, — спокойно уточняет Тоня.

Я невольно усмехаюсь.

— Серьёзно?

— Да. Усы, очки... ещё что-то. Я даже сначала не поняла, что происходит. Я спросила, зачем она это сделала. Просто хотела понять. Она сначала молчала, потом сказала, что я ей не нравлюсь.

Я чувствую, как внутри что-то неприятно шевелится.

— И всё?

— В целом да. Я сказала, что не ругаю её, просто хочу разобраться. А она бросила фотографию на пол и убежала в свою комнату.

Тоня пожимает плечами.

— Вот и весь разговор.

Я некоторое время молчу, переваривая услышанное.

— И ты не... — я неопределённо машу рукой, — не пыталась её стукнуть?

Тоня смотрит на меня так, будто я только что спросил что-то совсем абсурдное.

— Юра, ты серьёзно?

— Я просто уточняю.

Она качает головой.

— Я даже не повысила голос.

Потом вдруг тихо добавляет:

— Я вообще стараюсь говорить с ней максимально спокойно.

Я смотрю на неё ещё несколько секунд.

— Тогда откуда у неё такая версия?

Тоня разводит руками.

— Понятия не имею.

Она действительно выглядит озадаченной.

— Может, ей показалось, что я злюсь. Я правда была немного... — она ищет слово, — напряжена.

Я понимаю её.

— Или она решила, что если скажет тебе так, ты будешь на её стороне, — добавляет Тоня уже осторожнее.

Я хмыкаю.

— Манипуляция в пять лет?

— Дети быстро учатся, — тихо отвечает она.

И смотрит куда-то мимо меня, в сторону гостиной, где всё ещё играет мультик.

Я вдруг отчётливо понимаю, что оказался ровно посередине. Между ними.

И от меня сейчас зависит слишком многое.

Если я безоговорочно поверю Алисе — предам Тоню. Если отмахнусь от слов Алисы — она решит, что я её не слышу. А ей и так сейчас кажется, что весь мир против неё.

Ещё пару дней назад у меня была спокойная, понятная жизнь. Работа, дом, жена, планы. А теперь я чувствую себя каким-то мостиком, который пытается удержать два берега.

И чем сильнее они тянут в разные стороны, тем отчётливее я понимаю — этот мост может в какой-то момент просто рухнуть.

— Я поговорю с ней, — наконец говорю я.

Тоня кивает.

— Хорошо.

Я быстро доедаю ужин и выхожу в гостиную. Мультик уже закончился, и Алиса просто сидит, щёлкая пультом.

— Алис, пора спать.

Она сразу оживляется.

— Ты меня уложишь?

— Конечно.

Она сползает с дивана и берёт меня за руку. Пальцы у неё маленькие, тёплые. Держится крепко.

В комнате я помогаю ей переодеться в пижаму. Она залезает под одеяло и сразу прижимает к себе плюшевого зайца.

— Пап.

Слово звучит тихо.

Я на секунду замираю.

— Да?

— А мама правда занята?

Я сажусь на край кровати.

— Думаю, да.

Она смотрит в потолок.

— Она же вернётся?

Я вздыхаю.

— Надеюсь.

Алиса молчит, потом вдруг поворачивается ко мне.

— Ты меня не отдашь?

У меня внутри что-то болезненно сжимается.

— Нет.

Она немного расслабляется, зарывается носом в подушку. Через несколько минут дыхание у неё выравнивается. Я ещё немного сижу рядом, слушая, как она тихо сопит, потом аккуратно встаю и выключаю свет.

Утром Алиса просыпается раньше меня. Я слышу, как она возится в комнате, потом тихо шлёпает босыми ногами по коридору.

— Пап, я хочу кашу.

— Сначала одно дело, — говорю я. — Потом завтрак.

Она сразу подозрительно щурится.

— Какое?

Я достаю из шкафа пакет из лаборатории.

— Помнишь, мы вчера говорили про палочку?

Она морщит нос.

— Опять анализ?

— Быстро и без врачей.

Это её немного успокаивает.

Я вскрываю упаковку, достаю стерильную палочку.

— Открой рот.

Она делает это неохотно.

— Широко.

Я аккуратно провожу палочкой по внутренней стороне щеки. Один раз, второй. Алиса терпит, только хмурится.

— Всё?

— Почти.

Я повторяю с другой стороны.

Потом убираю палочку в пробирку и закрываю крышку.

— Готово.

Она сразу оживает.

— Теперь каша?

— Теперь каша.

Тоня уже стоит у плиты. Манка медленно густеет в кастрюле.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Тайный ребёнок мужа" вышла новинка

Кира Туманова "Развод. Сын, которого ты скрывал"

<https://litnet.com/shrt/qeCL>

— Оль, скажи честно, как врач... У него ведь, наверное, патологии, несовместимые с жизнью? — Влад сглатывает, глядя на меня в зеркало. — Он... он умрёт?

У меня темнеет в глазах. Я смотрю в его красивое, родное лицо и вижу чудовище.

— Он здоровее тебя, Влад. У него только грыжа. А у тебя — гниль вместо сердца. И это не лечится!

В эту ночь я спасла ребёнка собственного мужа. Я не знала, кто его отец, просто делала свою работу.

А вот мой любимый, идеальный муж, как выяснилось, давно заплатил, чтобы этот малыш никогда не сделал первый вдох.

Но мальчик выжил. Вопреки страшным диагнозам, таблеткам и предательству родных родителей.

А вот судьба моего брака теперь под вопросом!

Глава 12 Антонина

Стоит ли говорить, что теперь все дни превращаются в напряжённое ожидание результатов? При этом я отчего-то заранее уверена, что он будет положительным. Чутьё, наверное.

Ну и немного наблюдений за Алисой. Есть в ней что-то неуловимо гаранинское. Не столько внешность, хотя и там иногда проскальзывает что-то знакомое, сколько манера речи, движений, характер. Она так же упрямо поджимает губы, когда чем-то недовольна. Точно так же хмурит брови, когда сосредоточена. И ещё этот взгляд исподлобья, которым Юра иногда смотрит, если кто-то пытается его в чём-то переубедить.

Иногда я ловлю себя на том, что просто наблюдаю за ней. Как она идёт по коридору, как сидит за столом, как ковыряет ложкой в тарелке. И каждый раз в голове мелькает одна и та же мысль: да, похоже.

Есть, конечно, небольшая вероятность, что я всё это придумала, заиклившись на этих мыслях. Человек вообще склонен видеть то, что хочет увидеть. Особенно если долго думает об одном и том же.

Но что-то мне подсказывает, что нет.

Всё осложняется ещё и тем, что мне не удалось избежать токсикоза. Не такой сильный, как бывает иногда, когда в обнимку с туалетом проводят целые дни. Но он здорово мешает мне быть максимально вовлечённой в семейную жизнь.

Иногда меня накрывает внезапно — от запаха жареного, от духов, которыми я пользовалась годами и вдруг перестала переносить, от обычного кофе. Приходится открывать окно, глубоко дышать, ждать, пока отпустит. Юра пару раз предлагал заказать готовую еду, но мне почему-то важно готовить самой. Будто этим я пытаюсь удержать хоть какую-то нормальность в нашей жизни.

Только вот получается это плохо.

Алиса будто чувствует моё состояние. Или просто пользуется ситуацией — не знаю.

Она отказывается от еды, которую я готовлю, даже если вчера ела то же самое с удовольствием. Может упрямо сидеть над тарелкой двадцать минут, потом отодвинуть её и заявить, что больше не хочет. Просит, чтобы её покормил Юра, хотя прекрасно умеет есть сама.

Играть со мной она тоже не хочет.

— Я сама, — говорит она, когда я предлагаю собрать пазл или построить дом из кубиков. И смотрит так, будто я вторглась на её территорию.

Если я всё-таки остаюсь рядом, может вдруг сказать:

— Уйди, пожалуйста.

Сначала вежливо.

Потом уже с раздражением:

— Ну уйди!

Иногда она демонстративно отворачивается ко мне спиной и начинает громче разговаривать со своими игрушками, будто меня вообще нет.

И ещё сотни всяких мелких ситуаций.

Она может специально пройти мимо меня, задев плечом. Может громко вздыхать, когда я что-то прошу её сделать. Может игнорировать вопрос, пока его не повторит Юра.

Я стараюсь не реагировать.

Напоминаю себе, что ей всего пять лет. Что для неё всё происходящее — тоже огромный стресс. Новый дом, чужие люди, исчезнувшая мать.

Но иногда это всё равно задевает.

Прошло всего четыре дня, а я уже на пределе.

Я всё время как натянутая струна. Боюсь сказать что-то не так, сделать что-то не так, отреагировать слишком резко. Постоянно прокручиваю в голове каждую мелочь.

Одно дело, когда усилия для сближения прилагают оба, и совсем другое, когда ребёнок как колючий ёж, к которому не подобраться ни с какой стороны.

Я вроде бы тяну руку, стараюсь говорить мягко, предлагать помощь, интересоваться её делами. А в ответ получаю только выставленные иголки.

Я даже хочу предложить Юре сходить с Алисой к психологу. Это может помочь принять ситуацию. Хотя бы немного разложить всё по полочкам у неё в голове. В конце концов, ребёнку пять лет — она не обязана сама справляться с таким количеством перемен.

Может, после того как узнаем точно, его ли она дочь, это станет даже необходимостью. Если анализ подтвердит, нам всем придётся как-то учиться жить вместе. А если нет... я даже не представляю, что тогда будет.

Мысли снова уводят меня к Эле.

Я совсем не понимаю её. Как можно пропасть совсем? Не отвечать на звонки? Не писать ни слова? Даже короткого сообщения.

Что она за мать такая?

Ей не жалко Алису? Она не скучает? Не переживает, как та тут, в чужом доме, с людьми, которых почти не знает?

Иногда я ловлю себя на том, что злюсь на неё сильнее, чем следовало бы. Потому что вся эта ситуация — её рук дело. Она просто... взяла и вывернула нашу жизнь наизнанку.

Я стою у кухонного стола, задумчиво помешиваю чай и даже не сразу понимаю, что за спиной кто-то есть.

— Бу!

Я вздрагиваю так, что чай чуть не выплёскивается из кружки.

Сердце резко подсакивает куда-то к горлу.

— Господи... — выдыхаю я. — Зачем ты пугаешь так?

Алиса стоит передо мной, сияя довольной улыбкой.

— Получилось? — с азартом спрашивает она.

— Ещё как.

Я прижимаю ладонь к груди, пытаюсь выровнять дыхание.

Алиса наблюдает за мной с хитрой моськой. Глаза блестят, уголки губ подрагивают от сдерживаемого смеха.

Потом вдруг говорит:

— Погоди, я кое-что для тебя сделала.

И, не дожидаясь ответа, разворачивается и с топотом несётся к лестнице.

— Только не беги так! — машинально говорю я ей вслед.

Но она уже мчится вверх, перескакивая через ступеньки.

Я провожаю её взглядом. Неужели я дождалась потепления в отношениях?

Даже как-то неожиданно. Несколько дней я изо всех сил старалась: разговаривала мягко, предлагала поиграть, спрашивала, что ей нравится. А в ответ — холод, игнор или откровенное раздражение.

А стоило немного отступить, перестать навязываться, и вот она сама подходит ко мне.

Может, действительно нужно было просто дать ей время.

Я ловлю себя на том, что начинаю улыбаться.

С нетерпением жду, что же такое она придумала.

Стою у раковины, ополаскиваю кружку и прислушиваюсь. Внутри почему-то появляется лёгкое волнение. Глупо, конечно, но мне правда хочется верить, что это какой-то шаг навстречу.

Может, рисунок принесёт. Или поделку.

Через полминуты на лестнице снова раздаётся быстрый топот.

— Я иду! — радостно кричит Алиса.

Она влетает на кухню, запыхавшаяся, с горящими глазами и чем-то зажатым в ладонях.

— Смотри!

Она вытягивает руки вперёд.

Я наклоняюсь ближе. И на секунду даже не понимаю, что именно вижу.

На её ладонях лежит кусок коричневого пластилина. Скрученный, неровный, с характерными завитками.

Слепленный настолько реалистично, что мозг реагирует быстрее, чем я успеваю включить логику. Меня буквально прошивает волной тошноты.

— Ох...

Я отворачиваюсь и в два шага оказываюсь у раковины.

Желудок болезненно сжимается, и меня выворачивает. Один раз. Потом второй.

Я хватаюсь руками за край раковины, пытаюсь отдышаться. Горло жжёт, глаза слезятся.

Сзади раздаётся звонкий смех.

— Фу-у-у! — весело тянет Алиса. — Тебя стошнило!

Она смеётся так искренне и довольна, будто только что провернула самый удачный розыгрыш в своей жизни.

Я включаю воду, споласкиваю рот.

Живот неприятно тянет, и меня это сразу напрягает.

— Это какашка! — радостно сообщает она. — Я сама слепила!

Я закрываю глаза на секунду. Глубоко вдыхаю.

— Я... вижу, — хрипло говорю я.

Алиса снова хохочет.

— Ты подумала, что настоящая!

И, не дожидаясь моей реакции, разворачивается и с топотом убегает из кухни.

Я остаюсь одна.

Опираюсь ладонями на холодный край раковины и стою так какое-то время, пытаюсь успокоиться. Горло всё ещё сводит, в животе неприятно ноет.

Вот тебе и потепление в отношениях.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Тайный ребёнок мужа" вышла новинка

Мия Герц "Развод. Если сердце дрогнет"

<https://litnet.com/shrt/vFLb>

– Мне нужен Максим Калугин, – говорит незнакомая женщина, стоя на пороге нашей квартиры.

– Это мой муж.

– Хорошо, – довольно кивает она. – Потому что я привела его дочь.

Муж клянётся, что не изменял мне, но девочка похожа на него как две капли воды. Я не знаю, кому верить, но одно мне известно точно: наша прежняя жизнь закончилась.

Глава 13 Антонина

Спустя пять дней наконец-то приходит письмо с результатами. Эти дни тянулись так медленно, что казалось, будто прошло не меньше двух недель. Я каждый день ловлю себя на том, что проверяю почту чаще, чем обычно. Хотя понимаю, что смысла в этом нет — письмо придёт тогда, когда придёт.

В тот момент, когда на экране телефона всплывает уведомление из лаборатории, я сижу на кухне и машинально перебираю фасоль для супа.

Я открываю письмо, но дальше строки «Результат исследования...» не продвигаюсь. Руки почему-то начинают слегка дрожать.

Юра в этот момент на работе, поэтому я просто пересылаю ему файл и пишу короткое сообщение: «Пришёл результат».

Ответ приходит почти сразу.

«Я еду.»

Алиса играет в гостиной, рассыпав на ковре конструктор. Я слышу, как она разговаривает с игрушечной машинкой, изображая звук мотора. Всё это происходит так буднично, что на секунду кажется — никакого письма нет, никакого анализа тоже.

Но телефон по-прежнему лежит передо мной на столе.

Юра приезжает минут через сорок. Влетает в дом, не разуваясь.

— Где?

Я молча протягиваю ему телефон.

Он садится рядом со мной за стол. Мы оба какое-то время просто смотрим на экран, будто оттягиваем момент.

Потом он открывает файл.

В кухне становится тихо. Слышно только, как в гостиной Алиса что-то грохает из кубиков.

Юра читает медленно, внимательно, словно боится пропустить какую-то важную строчку.

И наконец тихо выдыхает.

— Ну всё.

Я смотрю на него.

— Что?

Он поднимает глаза.

— Эля не врала. Алиса и правда моя дочь.

Странное чувство. Я ведь почти не сомневалась, но когда это произносится вслух, всё равно становится как-то... окончательно.

Юра выглядит одновременно растерянным и сосредоточенным. Будто в голове сразу запускается целая цепочка новых решений.

— Тоня, — говорит он после короткой паузы. — Ты же понимаешь, что я, как бы там ни было, просто не смогу бросить свою дочь?

Я смотрю на него спокойно.

— Я никогда не говорила, что ты должен это сделать.

Он кивает.

— Знаю.

Некоторое время мы молчим. Каждый, похоже, прокручивает в голове одно и то же: как теперь всё будет выглядеть.

— Тогда что думаешь, — продолжает он, — надо начинать процедуру признания отцовства?

Я медленно киваю.

— Да. Думаю, надо.

Юра внимательно смотрит на меня, будто пытается уловить малейшее сомнение.

— Даже если Эля скоро приедет и заберёт Алису, — добавляю я, — она уже знает, что папа у неё есть. И это всё равно изменит её жизнь.

Он тяжело выдыхает.

— Да...

Из гостиной доносится голос Алисы:

— Папа приехал?

Юра невольно улыбается.

— Приехал.

Она тут же несётся на кухню. Останавливается в дверях, переводит взгляд с него на меня.

— Вы что делаете?

— Разговариваем, — отвечает Юра.

Она пару секунд смотрит на нас, потом снова убегает к своим игрушкам.

Юра провожает её взглядом.

— Кстати, об Эле, — говорит он тихо. — Я начинаю переживать, что с ней нет никакой связи.

— Я тоже, — признаюсь я.

Он достаёт телефон, листает контакты.

— Телефон по-прежнему вне зоны. Уже почти неделя.

— А ты знаешь кого-то из её родственников или друзей? — спрашиваю я. — Может, свяжемся с ними?

Он задумывается.

— Есть пара человек... попробую найти контакты.

Юра уходит в гостиную, уже набирая кого-то.

Я остаюсь на кухне одна.

Когда мои подозрения подтвердились, я получила лишний повод задуматься о том, что делать дальше.

Пока результат неизвестен, можно было немного отодвинуть решение, сделать вид, что это временная история. Теперь нет.

Очевидно, что пускать на самотёк ситуацию нельзя.

Я невольно кладу ладонь на живот.

Ладно, если бы у меня было много времени. Если бы мы могли медленно, аккуратно выстраивать отношения.

Но ведь уже спустя чуть больше, чем семь месяцев родится наш с Юрой ребёнок. И худшее, что может случиться — если свою нелюбовь ко мне Алиса автоматически перенесёт и на него.

Поскольку довольно быстро становится тепло, обнаруживаю, что у Алисы не хватает лёгкой одежды. Почти всё, что у неё есть, либо тёплое, либо уже откровенно маленькое. Штанины заканчиваются где-то на уровне костяшек, рукава не прикрывают запястья.

Я перебираю вещи в её шкафу и понимаю, что откладывать больше нельзя.

Когда Юра уезжает в офис, я осторожно предлагаю:

— Алис, может съездим в торговый центр? Посмотрим тебе новые вещи.

Я готовлюсь услышать привычное “не хочу” или увидеть её демонстративно равнодушное пожимание плечами. Но она неожиданно оживляется.

— В магазин?

— Да.

— Там, где много одежды?

— Именно.

Она задумывается буквально на секунду и кивает.

— Ладно.

Я даже немного теряюсь.

Надо же. Обычно приходится приложить кучу усилий, чтобы о чём-то с ней договориться.

А тут — согласилась почти сразу.

Мы собираемся быстро. Я проверяю, взяла ли воду, салфетки, кошелек. Алиса терпеливо стоит у двери, покачиваясь с пятки на носок.

И вот спустя полчаса мы уже внутри большого торгового центра. Здесь шумно, светло, пахнет кофе и чем-то сладким из ближайшей кофейни. Люди идут в разные стороны, вокруг звенят голоса, где-то играет музыка.

Алиса вертит головой по сторонам.

— Тут как в мультике, — сообщает она.

— В каком?

— Где огромный магазин.

Я улыбаюсь.

Мы направляемся к магазину детской одежды. Внутри ярко, на вешалках висят лёгкие платья, футболки с рисунками, шорты.

В углу магазина оборудован небольшой детский уголок — столик, несколько маленьких стульчиков, коробка с карандашами и раскрасками.

— Алис, посидишь тут немного? — спрашиваю я. — Я быстро посмотрю вещи.

Она уже тянется к карандашам.

— Ладно.

Я усаживаю её за столик.

— Подожди, пока я не вернусь. Хорошо? Никуда не уходи.

— Угу.

Она берёт листочек и карандаши и сосредоточенно начинает рисовать. Я даже вижу, как она высовывает кончик языка. Так она делает, когда полностью увлечена.

Я отхожу к рядам с одеждой.

Стараюсь действовать быстро: беру пару футболок, шорты, лёгкое платье. Прикидываю размер на глаз. Каждые несколько секунд оглядываюсь.

Алиса сидит на месте. Склонилась над листом, что-то усердно выводит.

Я выдыхаю и продолжаю выбирать. Мне нужно всего пятнадцать минут.

Но когда по прошествии этого времени я возвращаюсь к столу с целой охапкой вещей, Алисы там нет.

Сначала я просто останавливаюсь.

Смотрю на пустой стул. На лист бумаги, на котором лежит карандаш.

И ничего не понимаю.

— Алиса? — тихо зову я.

Ответа нет.

Я обхожу столик, заглядываю под него, будто она могла туда спрятаться.

Пусто.

Иду вдоль рядов с одеждой.

— Алиса? — уже громче.

Никто не откликается. Я быстро прохожу по магазину, заглядываю между вешалками, за стойку кассы.

— Вы не видели девочку? — спрашиваю у продавщицы. — Пять лет, в розовой футболке...

Она растерянно качает головой.

— Нет...

Меня начинает накрывать паникой.

— Алиса! — уже почти кричу я.

Несколько покупателей оборачиваются.

Я выбегаю из магазина в коридор торгового центра.

— Алиса!

Я бегу в одну сторону, потом в другую, заглядываю в соседние магазины.

— Алиса!

Люди смотрят на меня, кто-то хмурится, кто-то просто проходит мимо.

Она не появляется. Минуты тянутся бесконечно.

В голове начинают всплывать самые страшные мысли. Что кто-то её увёл. Что она ушла куда-то далеко.

Дыхание сбивается.

Я снова возвращаюсь к магазину, снова заглядываю внутрь.

— Алиса... — уже почти шепчу я.

В какой-то момент понимаю, что ноги меня просто не держат. Голова начинает сильно кружиться. Перед глазами темнеет, шум торгового центра превращается в гул.

Я делаю пару шагов к стене, пытаюсь удержаться, но силы словно резко уходят.

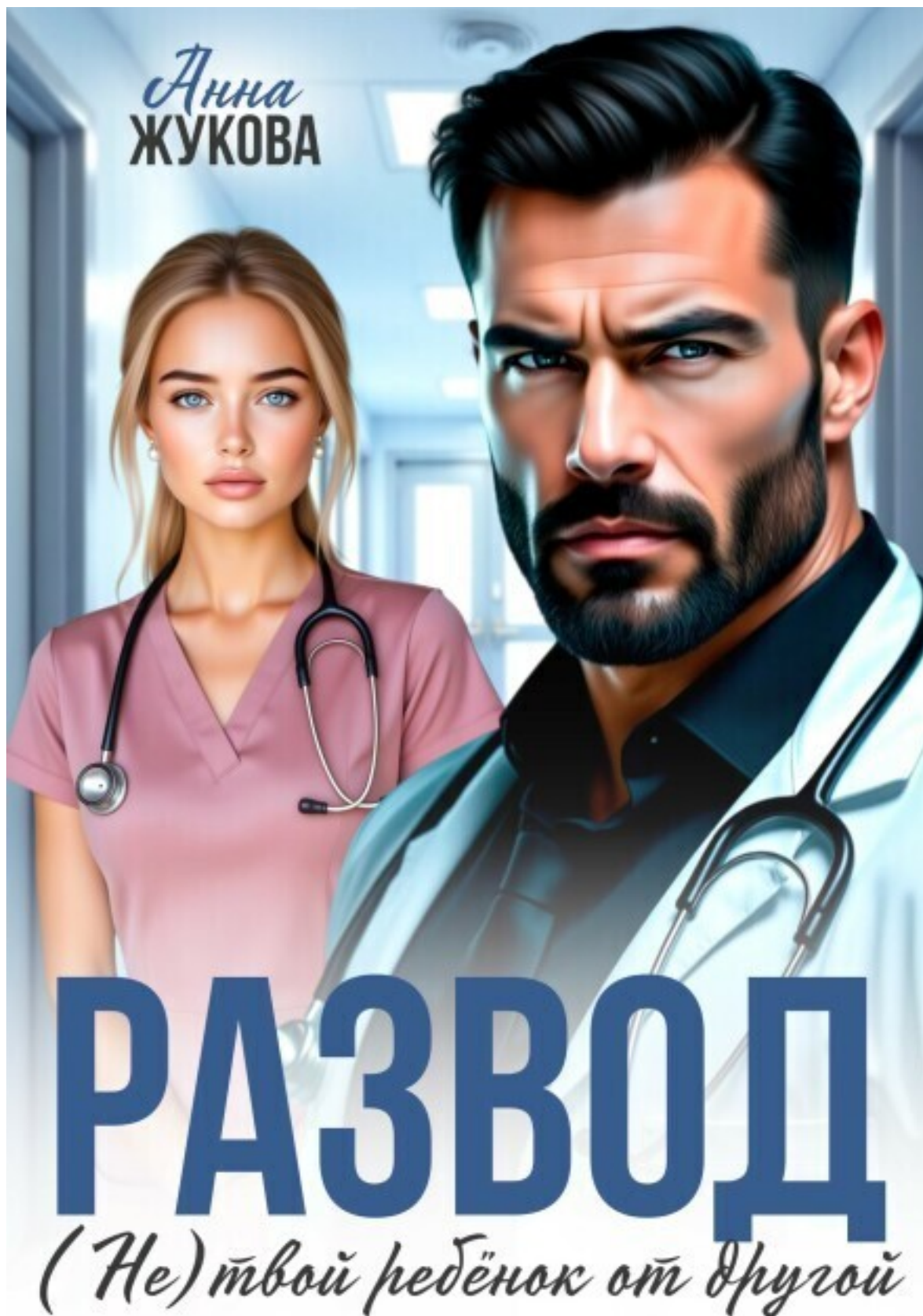
Я медленно сползаю по стенке на пол, прижимая ладонь ко лбу и пытаюсь заставить себя дышать ровно.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Тайный ребёнок мужа" вышла новинка

Анна Жукова "Развод. (Не) твой ребенок от другой"

<https://litnet.com/shrt/a9jM>

Муж стоял посреди прихожей, ещё не сняв пальто, на руках у него сидел малыш.

— Это кто? — я сделала шаг вперёд. — Кто-то попросил посидеть? Коллега? Ой, какой хорошенький!

— Мила, я должен тебе кое-что сказать, – мрачно проговорил он.

— Руслан, ты меня пугаешь, — призналась я, в груди начало зарождаться неприятное, липкое чувство тревоги. — Что случилось? Говори уже.

— Мила, это мой сын Артём.

Глава 14 Антонина

Выуживаю из сумки мобильный. Пальцы дрожат так сильно, что я с первого раза не попадаю по нужному контакту. Экран будто расплывается перед глазами.

Наконец нажимаю на имя Юры. Он берёт почти сразу.

— Да?

— Приезжай, пожалуйста, в “Орион”. — голос звучит сипло. — Алиса убежала, и я не могу её найти.

На том конце на секунду становится тихо.

— Выезжаю, — коротко отвечает он. — Иди к посту охраны и сообщи о пропаже. Приметы, одежду дай им.

Я открываю рот, но слова застревают где-то в горле.

— Юр, я...

— Всё потом, — жёстко обрывает он. — Действуй.

Он отключается.

Я ещё несколько секунд смотрю на экран. Потом медленно опускаю руку. И понимаю, что не могу встать.

Ноги не держат. Они будто чужие — ватные, тяжёлые. Я пробую упереться ладонями в пол, подтянуться, но тело не слушается. Голова всё ещё кружится.

Перед глазами плывёт торговый центр — люди, витрины, яркие вывески. Всё сливается в один шумный, пёстрый поток.

Как я дойду до охраны?

Мимо проходят люди. Женщина с пакетами, мужчина с телефоном у уха, подростки с мороженым.

Никому и в голову не приходит остановиться. Никто даже не смотрит.

Все слишком заняты своими делами.

Я сижу на полу у стены, прижимая сумку к животу, и вдруг чувствую, как на глазах скапливаются предательские слёзы. Отчего-то становится так жалко себя. И Алису.

Да, она ведёт себя отвратительно. Упрямится, врёт, изводит меня мелкими пакостями. Иногда кажется, будто делает это специально. Но ведь её можно понять.

Ей всего пять лет. Её мат

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.